

Лев Газдон

Ю
РИИ
К
ОРИНЕНЦ

Очерк творчества

Издательство "Детская литература"



I. Kopunov

Лев Разгон

Юрий Коринец

Очерк творчества

МОСКВА • „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“ • 1980

8P2 ББК 83.317
P17

Оформление Ю. ЖИГАЛОВА

Фотография Н. КОЧНЕВА

Р $\frac{70803-342}{M101(03)80}$ Без объявл.— 80

©ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1980 г.

Этвас!

 то загадочное слово в первых двух книгах Юрия Коринца встречается очень часто. «Когда я спрашивал дядю, что это была за штука, дядя делал страшные глаза и кричал: — Это было этвас! Этвас!» Дядя всюду искал ЭТВАС, требовал его от своего маленького племянника и страшно сердился, когда тот его не находил.

«Что это?» — спрашивал дядя. «Э т в а с», — отвечал я шепотом. «Чепуха!» — сердился дядя. Это просто чепуха, а не этвас.

Герой повестей Юрия Коринца «Там, вдали, за рекой» и «В белую ночь у костра» мальчик Миша признавался: «С восьми лет это этвас не давало мне покоя. Оно причиняло мне очень много хлопот. Оно снилось мне по ночам. Я думал о нем днем. Думал дома. Думал во дворе. Думал, когда шел в школу. Думал на уроках».

Ничего этого не было бы, если бы не Мишин дядя. Дядя был человеком совершенно поразительным. Рассказывая о нем, племянник не переставал утверждать: «Дядя всегда привозил из путешествий что-нибудь удивительное». «Никто не умел так рассказывать, как дядя». «Мой дядя был замечательный рыболов». «Дядя все делал отлично». «С дядей всегда было интересно». «Дядя давал всем замечательные советы».

Этот изумительный дядя не только настойчиво требовал от своего племянника, чтобы тот искал этвас, но и сам был неиссякаемым его хранилищем. Этвас сопровождал его всю жизнь.

Дядя считал, что если в человеке, в картине, книге нет этвас, то в них нет самого главного.

Для самого же мальчика Миши, ведущего свой рассказ об удивительном дяде, в самом слове этвас не было ничего загадочного. У Миши мама была немка, он с детства отлично усвоил немецкий язык и знал, что слово этвас по-немецки, значит всего-навсего нечто, нечто особенное. Признаем, если бы даже не было у Миши замечательного дяди, то он все равно не переставал бы постоянно искать это нечто. Потому что если оно отсутствует, то неинтересно играть, неинтересно учиться, неинтересно читать книгу. Когда мальчик Миша вырос и стал детским писателем, он превосходно понимал, что и для детей, и для взрослых книга неинтересна, если в ней нет этого этвас, если в ней отсутствует нечто.

И если взрослый читатель еще способен, в поисках этвас, дочитать книгу до конца и, не найдя его, разочарованно отложить в сторону, то ребенок, не найдя этвас с первых же страниц, и не подумает ее читать дальше. Это очень хорошо знают все детские писатели. И поэтому в их книгах постоянно и обязательно происходит нечто. Это то, что у критиков и педагогов называется обычно «динамизмом детской книги». Происходят невероятные вещи, в сюжет закладывается какая-нибудь тайна — словом, в книге все время происходит нечто.

В повестях «Там, вдали, за рекой» и «В белую ночь у костра» ничего, собственно, не происходит. Никаких приключений, никаких побегов, никаких драматических событий. В этих книгах маленький герой, ведущий свой рассказ о своем необыкновенном дяде, только слушает его, спрашивает его, ну еще ходит с ним на рыбалку, ездит к нему в гости. Он ведет жизнь самого обыкновенного городского мальчика. В чем же тогда заключается этвас этих книг? Книг, оказавшихся настолько интересными и значительными для своего читателя, что за короткое время они стали известны и в нашей стране, и за рубежом.

В свое время Самуил Яковлевич Маршак, упрекая некоторых детских писателей, сердито писал: «Школьника они изображали только за партой или на школьных собраниях. Им не было дела до его семьи, домашнего уклада, до его душевного мира».

Читателя, может, пожалуй, удивить то, что школе, где учится Миша, в повестях Юрия Коринца уделено мало места.

Произведения эти больше всего «семейные». Плохо ли это? Ограничивает ли это социальный фон произведения, суживает ли художественную полноту образа героя?

Я сознательно пользуюсь терминологией распространенных критических статей и рецензий. Но у меня существует уверенность, что перенесение центра жизни героев не в школу и даже не в обычную детскую среду, а прежде всего и больше всего — в семью, вызвано отнюдь не тем, что писатель чего-то «недоглядел», ошибочно «ограничил» и «сузил». Нет, сделано это совершенно сознательно.

Юрий Коринец никогда до сих пор не выступал с тем рассказом о своем творчестве, который ныне называют «В лаборатории писателя», «Тайна мастерства», «Писатели о себе и своем творчестве» или еще как-нибудь. Не уверен, что писатель хочет и может объяснить любопытствующему читателю особенность своего творчества в форме иной, нежели его художественные произведения.

Но я полагаю, что о той роли, которая отведена в произведениях Коринца семье, лучше всего сказано замечательным советским писателем Андреем Платоновым, которого Юрий Коринец уже не застал в живых, когда начал заниматься литературой. В 1941 году в журнале «Детская литература» была напечатана (под псевдонимом Ф. Человеков) рецензия Андрея Платонова на вышедшее в Детиздате новое издание знаменитой книги И. Аксакова «Детские годы Багрова-внука», служащее продолжением «Семейной хроники». В своей статье А. Платонов писал:

...«Чувству родины и любви к ней, патриотизму, человек первоначально обучается через ощущение матери и отца, то есть в семье. Особая сила «Детских годов Багрова-внука» заключается в изображении прекрасной семьи, вернее — целого рода, то есть преемственность двух семейств, переходящих в будущую... Именно в любви ребенка к своей матери и своему отцу заложено его будущее чувство общественного человека; именно здесь он превращается силою привязанности к источникам жизни — матери и отцу — в общественное существо, потому что мать и отец в конце концов умрут, а потомок их останется — и воспитанная в нем любовь, возжженное, но уже не утоляемое чувство обратится, должно обратиться, на других людей, на более широкий круг их, чем одно семейство. Сиротства человек не терпит, и оно — величайшее горе».

Герой всех книг Юрия Коринца живет в семье. Именно здесь, а не где-нибудь происходят все — маленькие и большие — события, в которых для него заключено нечто. Лирический герой Юрия Коринца отнюдь не рефлектирующий ребенок, подвергающий всё и всех такому сложному психологическому анализу, что подчас диву даешься: почему он учится в пятом классе, а не преподает психологию в педагогическом институте? В книгах Юрия Коринца герой — зовут ли его Мишей, Юрой или Володей — ведет себя самым обыкновенным образом. Он учится, его ругают или хвалят, он ссорится, дерется, делает иногда мелкие пакости окружающим, иногда они сходят с рук, иногда он в них раскаивается... Словом, он самый обыкновенный ребенок, в его поведении, во всех внешних проявлениях его жизни нет и помина эт в а с а. Нечто сосредоточено в другом: в духовном мире этого ребенка, в движении и росте его духовной жизни.

В повестях Юрия Коринца «Там, вдали, за рекой» и «В белую ночь у костра» на первый взгляд ничего особенного не происходит; в романе «Привет от Вернера» маленький Юра становится очевидцем важных исторических событий; в повести «Володины братья» мальчик Володя заблудился в тайге, чуть ли не погибает от пожара, наводнения, голода... Но не внешние события, большие или малые, составляют подлинное содержание этих книг. И лирический герой книг Юрия Коринца не пытается уверить читателя, что происходящее вокруг для него значительнее, нежели его размышления о происшедшем. Нет, то, что составляет «динамизм детской книги», происходит не во внешней, а во внутренней, душевной жизни ребенка. Там именно видны бури страстей, грозы ярких переживаний, там совершаются подлинные, потрясающие открытия, там приходится испытать невероятную тяжесть первых разочарований, крушения первых иллюзий.

Нет надобности говорить, что Юрий Коринец отнюдь не первый писатель, который исследует душевную жизнь ребенка. Русская, советская и мировая литература имеют прекрасные образцы таких книг. Но каждая настоящая серьезная книга не существует вне времени. Маленький Багров и Николенька Иртеневы были детьми своего времени, своей социальной среды. Их невозможно переселить в двадцатые годы нашего века, как было бы невозможно представить себе сына советского коммуниста Юру, очутившегося в обстановке помещичьей семьи при

Николае Первом. Это уже относилось бы к области социальной фантастики, это был бы совсем другой жанр, абсолютно чуждый тем произведениям о детстве, которые вошли в круг чтения многих поколений юных и взрослых читателей.

Порой может показаться нарочитым бесстрашие, с которым маленькие герои книг Юрия Коринца размышляют о самых сложных, самых трудных вопросах жизни: о вечности, о смерти, об одиночестве... Не трудно вспомнить при этом, что в иных книгах о детстве утомительно доказывается, что ребенок может думать только о конкретном, только о том, что рядом с ним, часто только о пустяках. Но мы-то знаем, что это совсем не так, и для этого не обязательно ссылаться на классические примеры у Льва Толстого и Максима Горького.

Не только классическая проза, но и воспоминания многих замечательных людей свидетельствуют о том, насколько рано начинается глубокая душевная и эмоциональная жизнь ребенка и как трудно провести грань между душевной жизнью ребенка и взрослого. В своих интересных воспоминаниях знаменитый чешский поэт Витезслав Незвал писал: «Я хотел бы засвидетельствовать, что эмоциональная жизнь детей начинается гораздо раньше, чем воображают взрослые, и что она больше похожа на мир чувств взрослых, чем можно было бы ожидать».

Первые три прозаические книги Юрия Коринца написаны от первого лица. В них рассказ ведется самим героем книги — ребенком. Прием очень распространенный в детской литературе и всегда верно достигающий своей цели. Вспомним, к примеру, успех у читателя знаменитой книги Николая Носова «Витя Малеев в школе и дома». Но книги Юрия Коринца отличает существенная особенность. В них рассказ ведется параллельно не только ребенком, но и взрослым. Не только мальчиком Юрой, но и взрослым, умудренным жизнью автором — Юрием Коринцом. Он этого и не скрывает. В рассказе лирического героя так переплетаются воспоминания ребенка и размышления взрослого человека, что иногда невозможно отделить одно от другого.

В повести «Там, вдали, за рекой» рассказывается о страшной для героя книги истории о том, как впервые он поссорился со своим дядей. Не увидав под подушкой обещанного бивня мамонта, Миша потрясен в самом для него главном, самом важном: дядя, идеальный, замечательный дядя сказал ему неправду.

«Ты жалкий обманщик,— произнес я медленно, с расстановкой.— Я с тобой больше не разговариваю!»

Не будем здесь пересказывать действительно драматический рассказ о том, как поссорился Миша с дядей и как он мучительно это переживал, как ему хотелось умереть оттого, что потерял дружбу со своим замечательным дядей. Читать об этом совсем не смешно, тут и не пахнет таким снисходительным лиризмом детства: дескать, какие же мы были наивные, хорошие и смешные... Происходит подлинная драма, и описана она с такой силой переживаний, что не смех, а скорее слезы может вызвать у читателя.

Но эта драма передана не только маленьким Мишей, но и автором книги. Вспоминая этот эпизод, он пишет: «Но я не мог подойти к дяде, вспоминая те свои страшные слова. Я не мог себе этого простить. С тех пор прошло много лет, я давно стал взрослым, но до сих пор не могу себе этого простить. А тогда, в те дни, у меня вообще все пошло вверх ногами».

В чем же заключена здесь душевная драма мальчика? В том, что его обманули и не дали ему бивня? На поверхности лежит именно эта сторона конфликта. Но мы следим за тем, как эта внешняя сторона конфликта в детской душе переплавляется в другое, более значительное для того — маленького и для теперешнего — взрослого.

«Мне было очень плохо. Ничего меня не радовало: ни пушистый снег, который лежал во дворе сугробами, ни ребята, которые играли в снежки и катались на санках с этих сугробов, ни солнце, ни воробьи. Я ходил мрачный и покинутый и все время думал о дяде... Я долго не мог уснуть, но спал очень беспокойно... и я проснулся глубокой ночью и заплакал.

Я не заметил, как ко мне подошла мама. Она села ко мне на кровать.

— Ну что с тобой? — спросила она.

— Мне жалко дядю! — сказал я и еще сильнее заплакал».

Но сначала Мише было прежде всего жалко себя: обманутого, лишённого обещанного бивня. Какая же душевная работа происходила в нем, чтобы он пришел к сознанию, что обижен не он, а дядя? Обижен им, обижен настолько сильно, что он содрогается от этих воспоминаний через много лет, уже став взрослым! Изображение этой душевной работы и составляет э т в а с всех книг Юрия Коринца.

*„Это судьбы человека
подают мне голоса...”*

Юрий Коринец известен больше как прозаик, нежели поэт. И это несмотря на то, что он не только выступил в литературе как детский поэт, но и продолжает до сих пор свою поэтическую работу. Более двух десятков стихотворных книг Юрия Коринца вышло в разных издательствах нашей страны, эти книги переиздаются и продолжают свою жизнь у маленького читателя. Однако проза писателя оказалась такой своеобразной, столь оригинальной, что поэзия Коринца в критических отзывах как бы оказалась оттесненной, стала рассматриваться вроде первичного этапа в творчестве писателя. Впрочем, вспомним, что во «взрослой» и в «детской» литературе нет почти ни одного прозаика, который не начинал бы со стихов. «Выступил вначале как поэт» — этими словами начинаются биографические справки о многих прозаиках.

В отношении Юрия Коринца такая оценка его поэзии была бы несправедливой, а главное — неточной. Для него поэзия — не «проба пера», не некий трамплин, с которого начинается прыжок в литературу. Отделить его первые стихи от прозы, к которой он перешел через много лет, очень трудно. Знаменитому американскому психологу Стенли Холлау принадлежит хлесткая, запоминающаяся фраза: «Ребенок — отец взрослого человека». Перефразируя ее, можно без преувеличения сказать, что поэзия Коринца — отец его прозы. Все то, что составляет главное содержание прозы Юрия Коринца, уже заключается в

его поэзии, как будущая ветвь дерева заключена в его маленькой почке.

Большинство прозаических книг Юрия Коринца написаны от первого лица, они содержат рассказ о детстве. Теперь мы знаем, что это было детство человека с талантом поэта. Поэзия сопровождала всю его жизнь. Она словно вламывается в его прозу, нельзя найти ни одной прозаической книги писателя, которая не только не была бы поэтической по самому своему существу, но и не содержала бы размышлений о поэзии и самые стихи.

В романе «Привет от Вернера» есть большое стихотворение, описывающее ощущение ребенка в длинной и захватывающе-интересной дороге. Это стихотворение настолько органично входит в книгу, что невозможно вычленить его из текста романа.

Особенно интересен в романе рассказ писателя о том, как его лирический герой сочиняет стихи.

«Пусть телега катится по дороге. Пусть себе тарахтит спокойно, как будто стихи бормочет, свои особые тележные стихи.

Тарах-тарах-тарах-тарах!
Тарах-тарах-тарах!

...и телега тарахтит сильнее, и в голове у меня складываются стихи, они словно наматываются на колеса, строчка за строчкой, как километр за километром.

Огромный мир не так-то прост!
Тарах-тарах-тарах!
У лошади огромный хвост!
Тарах-тарах-тарах!

Сейчас я эти стихи уже точно не помню, я только помню, о чем они были...»

Маленький Юра из романа «Привет от Вернера» недаром запомнил, как у него, как бы само собой, складывались те самые детские стихи, которые так часто сочиняют одаренные дети. Важно отметить и то, что большинство стихов Юрия Коринца — как и его проза — это не сочинения для маленьких,

не придуманное взрослым для маленьких, а взглядывание в свое, не в чужое, а в свое собственное детство. Его стихи, по сути дела, столь же автобиографичны, как и проза.

Есть у Юрия Коринца стихотворение «Бинокль». Он пишет в нем:

Все в бинокле станет близким:
И далекая река,
И над нею низко-низко
Дождевые облака...

Все как будто стало рядом,
Только руку протяни.
Все увидел я из сада,
Не слезая со скамьи.

Конечно, это особое свойство не сразу сказалось в поэзии Коринца. В своих первых стихотворениях для маленьких, публиковавшихся еще в пятидесятых годах, он отдал и дань голой назидательности. Указательный перст частенько предписывал ребенку, что ему делать надо, а чего делать не надлежит. Юрий Коринец писал:

На доске
Мы пишем мелом,
Пишем ручкою
В тетради...
Несерьезным занят делом
Тот,
Кто пишет на оgrade!

На полном серьезе он утверждал:

Жить с хорошей головой,
Что с богатой кладовой...

Постарайтесь же, ребята,
Содержать ее в порядке,
Пополняйте в ней запас
Каждый день и каждый час.

И конечно, в этих стихах поэт уговаривал своего читателя:

И ты поймешь —
Без букваря
Вся жизнь твоя
Прошла бы зря.

Да что там зря! Не только букварь, но и грамматические правила являются обязательным условием жизни.

Знаки препинанья
Нужны нам,
Как дыханье.

И все же при этом «общем выражении лица» у Юрия Коринца прорывались стихи не просто назидательные, а глубоко содержательные, философские, умудренные, непритворно веселые и непритворно грустные. И в них не мог не проявиться характер автора: максималистский в любви и в дружбе, требовательный до жесткости. Все детские поэты писали стихи о дружбе. И у Юрия Коринца есть «Стихи о дружбе». Только в них он пишет не столько о друзьях, сколько о врагах.

Но с недругом встречаться —
Не надо в дом стучаться!
Не дай бог, за перила
Держась, войти с ним в дом
И, улыбаясь мило,
Сидеть с ним за столом.

Сойдешься с вражьем кругом,
И с неба грянет гром:
Врагу ты станешь другом,
А сам себе — врагом.

Даже в самых своих первых стихах Юрий Коринец не проявлял никакой благостности, никакого умиления и всепрощения. Водораздел между добром и злом он прокладывает недрогнувшей рукой и не допускает в этой черте никакой смазанности красок, никаких полутонов.

Чем дальше, тем больше в стихах поэта проявляются те черты, которые впоследствии станут столь характерными для всего его творчества. Прежде всего это трогательные воспоминания о прошлом. Нет, не кроткое и умильное воспевание прелестей детства. В конце концов, подобные воспоминания вполне естественны. Михаил Светлов, который, при всей своей мягкости, тоже был необычайно требователен, говорил: «Человек, который не любит своего детства, каким бы оно ни было, — это страшный человек». То детство, в которое вглядывается Юрий Коринец и которое он непритворно любит, — исторично и социально. Оно впоследствии станет не только фоном, но и

содержанием главных прозаических произведений поэта. Это детство связано с двадцатыми и тридцатыми годами нашего столетия. Оно немислимо без тех примет, которые были характерны для того времени.

Вот, скажем, коммунальная квартира с ее своеобразной жизнью разных семей, собранных в одном месте. Для нынешнего поколения, не только детей, но и взрослых, слова «коммунальная квартира», «коммуналка» всегда имеют минусовый знак. Конечно, отдельная квартира для каждой семьи является огромным благом, и недаром оно стало у нас одним из самых ярких проявлений роста благосостояния.

И Юрий Коринец навряд ли может это оспаривать и вспоминать «коммуналку» лишь с несвойственным ему умилением. Но разве только огорчительное было в содружестве самых разных людей, которые жили в одном доме, в одной квартире?

Знал я невысокий дом
В переулке за углом...—

вспоминает в своем стихотворении «Триста тридцать три жильца» Юрий Коринец. Ах, какой же это был замечательный, чудесный дом! Почти такой же, как тот самый замечательный дядя, который учил своего племянника всюду искать э т в а с...

Здесь когда-то проживало
Триста
Тридцать
Три
Жильца.

В этом чудесном доме детства поэта все было так прекрасно!

Дружно люди в доме жили!
Если двор темнел от пыли,
Триста
Тридцать
Три
Жильца
Поливали деревца.
Если плохо человеку —
На бедняге нет лица,
За лекарством шли в аптеку

Триста
Тридцать
Два
Жильца.

Вот какой это был замечательный, удивительный, неповторимый дом!

Дом был с виду неприметен.
Жил, не зная драк и сплетен.

Ну, а потом, потом наступает неизбежное... Дом стал старый, жизнь стала другой. Конечно, лучшей, потому что построили новые, очень хорошие дома, дали каждой семье квартиру...

Десять
Дней
Жильцы прощались,
Со слезами разъезжались.

И в другом стихотворении «Звонок» рассказывается, как это здорово, когда один звонок для разных людей:

Пять раз — к Петровым,
Два — к нам,
Четыре — к Тельпуговым.

И разные люди по-разному звонят, и слушать эти звонки и догадываться, кто к кому, — это тоже необыкновенно интересно. Но в этих давних ностальгических воспоминаниях присутствует не только любовь к прошлому. В нем ведь было не только одно хорошее, одно прекрасное. И вздохом облегчения кончается это стихотворение:

Как хорошо, что в час ночной
Звонки не будят нас!

Любопытная подробность: через все поэтическое творчество Юрия Коринца проходит тема дома. Не представляет труда найти у него множество стихов, где обязательно говорится о доме. И обязательно о счастливом доме. Такое ощущение, что писал их человек, смертельно соскучившийся, исстрадавшийся

по дому, по домашности, по домашнему теплу. В сборнике «Суббота в понедельник» есть стихотворение — даже не стихотворение, а поэма «Старый дом». И в ней поэт, вспоминая с уважением знаменитые дома, признается, что его идеалом является другой, совершенно другой дом:

Пусть не славен он резьбой —
Бедность дому не укор!
Не нужны ему для славы
Драгоценные оправы —
Белый мрамор иль гранит, —
Дом не этим знаменит.
Дому нужен верный друг
Да знакомых тесный круг.
Знать, что крыша не течет,
Что играют в доме дети, —
Вот тогда ему на свете
Честь, и слава, и почет!

Дом своего прошлого всегда, почти у каждого человека, обит розовой дымкой детского счастья.

Юрий Коринец писал стихи для маленьких. Но писал-то их взрослый человек. И писал не о ком-нибудь, а о себе. О себе и своем доме. И так как он уже взрослый, отягощенный опытом прожитой жизни человек, то он понимает, что этому старому и милому дому нет больше места, что идет совсем другая жизнь, где все будет по-иному.

Все жильцы для новой жизни
Разлучаются с тобой.
Может быть, при коммунизме
Будет дом у них стальной?
Или весь как есть стеклянный —
Легкий, прочный, полный света.
А быть может, дом тот странный
Будет спутником планеты?

И шутит. Не поймешь сразу: весело шутит или грустно?

Может, будут близнецы
Жить в созвездии Тельца —
Мчаться в дальние концы,
Чтоб проведать Коринца.

Буду я и сам летать
В круглом доме из стекла.
Жизнь такая подошла,
Что всего не угадать...

«Период ученичества» прошел у Юрия Коринца очень быстро. Когда он только пробовал писать для печати, когда он впервые отнес свои стихи в детские газеты и журналы в Казахстане, а потом в Москве, то, конечно, он писал «под Михалкова», «под Барто», видя в стихах этих знаменитых поэтов некий эталон детской поэзии. Вероятно, нет почти ни одного поэта, который бы не прошел через этап ученичества. Но в своих дальнейших, уже вполне зрелых произведениях Юрий Коринец вполне самостоятелен. И обладает своей собственной интонацией, которую нельзя спутать с интонацией другой поэтической речи.

Юрий Коринец никогда не ставит под своими стихами даты их написаний. Но когда читаешь поэму «Старый дом», то почти не остается сомнений в том, когда она написана и в силовом поле творчества какого поэта он очутился. Тема дома, тема дороги, движения жизни, высказанные с огромной поэтической силой в поэмах великого советского поэта Твардовского «Дом у дороги» и «За далью даль», оказались необыкновенно созвучны мироощущению молодого поэта, пишущего стихи для детей. В поэме Юрия Коринца «Старый дом» мы встречаем не только интонацию Александра Твардовского, но и столь ему присущие чувства драматизма жизни и веры в ее победу.

Когда читаешь стихи Юрия Коринца, бросается в глаза знакомость мышления и видения, аналогичные его прозе. Тут не требуется никаких других доказательств, что стихи и проза написаны одним и тем же человеком. И больше всего это очевидно в стихах о природе. Нет, вероятно, ни одного поэта — пишет ли он для детей или для взрослых, — который бы не писал о природе. И для вдумчивого читателя не составляет особого труда догадаться, написаны ли они горожанином, видящим природу на даче, или коренным сельским жителем. Стихи Юрия Коринца о природе написаны человеком, который сам видел все, о чем он пишет. И не только видел, но и почувствовал, продумал. Не то что вспомнил, а никогда не забывал.

Впрочем, в сборнике «Суббота в понедельник» целый раздел носит название, не оставляющее сомнений, о каких местах нашей страны пишет поэт. «Поморье» — называется этот раздел. И в нем названия стихотворений говорят сами за себя: «Сеть», «Лесовик», «Лесосплав», «Маяк», «Ледоход», «Стога»,

«Вожеозеро»... Там рассказывается о том, что можно увидеть лишь самому, собственными глазами.

Потом сушиться будет сеть.
Сеть будет в воздухе висеть
На длинных кольях, над землей,
Блестящая рыбой чешуей.

И если говорится о доме рыбака у самого моря, то в этом доме:

В избе — жестяная посуда,
Ведро с водой, охапка дров,
Приемник на столе, как чудо,
Доносит шумы городов.

Странствия входят в жизнь поэта как нечто необходимое, обязательное, без чего нельзя жить. Не только лирический герой стихов Юрия Коринца, но и все персонажи его стихов обязательно путешествуют, ходят по свету, в крайнем случае, расхаживают по лесам, вдоль речек и озер.

В стихотворении «О чем дождь говорит» поэт, описывая нескончаемый, затяжной осенний дождь, говорит:

Зато бубнит с утра
Он о других вещах:
Что выходить пора
В калошах и плащах.

Странствия у Юрия Коринца — это не только прогулки по улицам, паркам, лесам. Поэт — современный путешественник, он знает, как удобно, как необходимо пользоваться и поездом, и автомобилем, и самолетом. И в его стихах мы найдем немало строк, посвященных тем чудесам техники, которые помогают человеку не сидеть на одном месте, а видеть мир.

Колеса по мосту стучат,
В далекий путь составы мчат.
Мчат, оставляя дымный хвост...
Счастливым путем! — грохочет мост.

Поезд, вертолет, самолет — мы их будем встречать и в стихах и в прозе Юрия Коринца, без них у него нет и тайги, и горных хребтов, и далеких озер. В повести «Володины братья» для мальчика Володи, живущего в тайге, вертолет столь же привычен, как рыбацья лодка. Но и поезд, и автомобиль, и самолет нужны для того, чтобы человек мог скоро и удобно перенестись поближе к нетронутой природе, туда, где он остается с ней один на один, вслушиваясь в тишину. Ибо и тишина полна для человека великого смысла, она содержательна. Одно из лиричнейших стихотворений Юрия Коринца так и называется «Тишина». И в нем поэт, обращаясь к своему читателю, говорит:

Ты думаешь, что тишина
Бывает звуков лишена.
Ты думаешь, она мертва
И ей неведомы слова.

А кто же с нами говорит,
Когда в ночном костер горит?
Кто шепчет тихие слова,
Когда колышется трава?

Кто прозвенит то стрекозой,
То комаром в тени лозы,
Тревожит нас перед грозой
И удивляет в час грозы?

Недремлющая тишина
Всегда по-разному слышна...

В стихах Юрия Коринца мы находим те же взлеты фантазии, которые так характерны и для его прозы. Впрочем, это не фантазии-выдумки взрослого человека. Эти фантазии сродни скорее свойству ребенка все превращать в игру, в сказку. Сказка может войти в любое стихотворение поэта свободно и органично, как нечто само собою разумеющееся.

Только крикнут петухи —
Сказка движется в стихи.

И — как это всегда бывает в детстве — поводом для сказки, для игры фантазии может служить все: начищенный самовар, колодец, часы, автомобиль, цирк — все, что ребенок встречает,

видит и слышит. Без всякого преувеличения можно сказать, что в большинстве стихов Юрия Коринца обычные бытовые реалии, все, что окружает современного ребенка, становится предметом сказки.

И есть в этих стихах еще одна особенность, очень важная для всего творчества поэта и прозаика. Это — сны. Сны сняты всем. И старикам:

И деду море снится,
И камни, и леса...

Сны сняты лесу, рыбам, даже камням:

И молча из воды торчат
Большие глыбы — валуны
И видят
Каменные
Сны.

И конечно, сны обязательно сняты главным героям произведений Юрия Коринца — детям. Почти всегда эти сны — счастливые. В них нет ночных детских страхов, в них всегда ощущается то беспечное, веселое, дружное, что только в детстве и может быть. В странной, на первый взгляд, приверженности к снам (а мы с этим обязательно и часто будем встречаться и в прозе поэта) есть ощущение взрослого человека, тоскующего по своему детству. В снах о детстве реализуется то, чего он был лишен в детстве и что ему так необходимо. И часто конец сна означает конец того, к чему он стремится. Одно из стихотворений Юрия Коринца так и заканчивается:

Жаль, что это сон —
Он всегда кончается...

Юрий Коринец писал и пишет стихи для маленьких. И естественно, что темами этих стихов являются изначальные признаки бытия: смена суток, времен года, дождь, снег, тепло, мороз — словом, все, что ребенок постоянно для себя открывает. Каждое из таких открытий становится для ребенка источником радости. Всё всегда хорошо: хороша весна с ее расцветом; хорошо теплое лето; хороша красивая, цветная осень и хорош мороз, когда он весело щиплет за нос и щеки здорового, тепло одетого ребенка... Но для Юрия Коринца не существует абст-

рактных радостей природы, оторванных от реальной жизни. И он никогда не забывает сказать, что эта жизнь, в зависимости от социальных условий, может быть и бывает суровой и даже жестокой. В стихах и прозе писателя есть поэтому чувство долга перед теми, кто этими изначальными радостями пользоваться не в состоянии.

Есть у Юрия Коринца стихотворение «Времена года». Поэт напоминает маленькому читателю, что то, что составляет радость для одних, для других — бедных и голодных людей, живущих в другом мире, — связано не с радостью, а с горем.

Ты думаешь — весна
Такое время года,
Когда цветет природа,
Очувшись ото сна...

Весна — это когда бедняки
Шлепают по лужам.
Не думай, что зима —
Всегда коньки да лыжи.
Зима — это дома
Без печки и без крыши.

Зима — это когда бедняки
Умирают.

Да, тех, кто счастливо пускает по весенним ручьям бумажные кораблики, кто летом резвится в пионерском лагере и радуется предстоящей встрече со школой, летит на лыжах с горы, поэт словно останавливает, берет за руку и напоминает о том, что есть иная жизнь — о скитаниях бездомных, о голодных и нищих, о тех детях, которые лишены всего, что радует наших юных читателей.

Не забывай об этом
Ни в зимний холод,
Ни весной,
Ни осенью,
Ни летом!

Юрий Коринец — писатель необыкновенно цельный. Пишет ли он для маленьких читателей или для тех, кто старше, для детей или взрослых, он, вглядываясь в мир, видит прежде всего людей. И людей не придуманных, а реальных. Они для

него важнее всего, они составляют предмет его размышлений, воспоминаний, они служат для него ориентирами в жизни и творчестве. Есть у него стихотворение «Плавучий остров», которое мне кажется программным определением своей писательской задачи:

Не по речке, не по морю,
Не во сне, а наяву
Вдоль по радости и горю
Я во времени плыву.

За бортом бегут навстречу
Не прибрежные леса —
Это судьбы человечья
Подают мне голоса.
Проплывают не березы —
Человечья смех и слезы.

Проплывают штормовые
Или солнечные дни.
Вечерами бортовые
Зажигаю я огни.
У стола, как у штурвала,
Я ночей не сплю, бывало,—
Все дописываю строчки,
Доходя порой до точки.

Здесь — все правда! И даже то, что в своем творчестве писатель часто «доходит до точки». В эти слова вложен не только прямой смысл об окончании произведения. Нет, здесь содержится признание о максимализме нравственных требований к людям — максимализме, который свойствен детям и от которого поэт не отказывается, став взрослым. Этим нравственным максимализмом проникнуты все произведения Юрия Коринца.

Вдаль,
К неведомому устью,
Уплывает остров мой,
Пену радости и грусти
Оставляя за кормой.

Куда уходит детство

В авторском предисловии к повести «Володины братья» говорится: «Мои предыдущие повести «Там, вдали, за рекой» и «В белую ночь у костра», а также роман «Привет от Вернера» — автобиографические. В них я рассказывал о своем детстве в Москве и Берлине, о тридцатых годах, о радостях и горестях того, уже далекого детства».

Если безоговорочно поверить этому предисловию, то первые прозаические книги Юрия Коринца следует отнести к тем произведениям о детстве, пафос которых выражен в радости бытия. Ребенок знакомится с окружающим миром, и мир этот — прекрасен! Даже если в нем происходит что-то драматическое, то все равно радость жизни, ощущение ребенком тепла оказывается сильнее всего. В русской советской литературе этот свет счастливого детства, его очарование, пожалуй, сильнее всего выражено в замечательном произведении Алексея Толстого «Детство Никиты». Автор, рассказывая об истории создания этой повести, писал: «Начал — будто раскрылось окно в далекое прошлое со всем очарованием, нежной грустью и острым восприятием природы, какие бывают в детстве». И в другой автобиографической заметке Алексей Николаевич писал о том, что легло в основу его повести о детстве: «Я рос один, в созерцании, в растворении, среди великих явлений земли и неба. Июльские молнии над темным садом; осенние туманы, как молоко; сухая веточка, скользящая под ветром на первом ледку

пруда; зимние вьюги, засыпающие сугробами избы до самых труб; весенний шум вод; крик грачей, прилетавших на прошлогодние гнезда; люди, в круговороте времен года; ...зимние вечера под лампой, книги, мечтательность...»

Наша литература имеет и другие образцы повестей о детстве: «Детство», «В людях» Максима Горького... Конечно, детство маленького барича, окруженного любовью близких, избавленного от всего ранящего, жестокого, естественного не может быть схожим с детством Алеша Пешкова, его недетским трагизмом.

Что же касается маленького героя автобиографических книг Юрия Коринца, то кажется, что он существует в светлой тональности, в непрерывном ощущении прелести жизни. Радостное удивление перед всем, что происходит перед его глазами, так и брызжет со страниц повестей Юрия Коринца. Для маленького Миши из дилогии «Там, вдали, за рекой» и «В белую ночь у костра» все, что происходит с ним и с другими, — поразительно, удивительно, необыкновенно интересно. Его рассказ о том, что с ним происходит, пересыпан категорическими заявлениями:

«Это был замечательный человек!»

«Это были замечательные собаки!»

«Это был замечательный конь!»

«На кухне было очень интересно!»

«Поплавок у меня замечательный!»

«Ее нельзя не любить, эту историю, потому что она замечательна».

«Дирижабль — это прекрасная вещь!»

«Но самым удивительным все же был Чанг!»

«Прекрасно, удивительно, замечательно, необыкновенно» — всеми этими превосходными определениями усыпана речь Миши. И не просто прекрасно, а самое прекрасное! И самое удивительное! И самое замечательное! И самое необыкновенное! Другого у него нет. И не может быть по самоощущению. И кажется совершенно естественным, что автобиографические книги Юрия Коринца и есть восторженно написанные воспоминания о своем счастливом детстве.

И как будто для подтверждения этого автор к своей первой книге о детстве выбирает следующий эпиграф:

«Знайте же, что ничего нет выше и сильнее, и здоровее, и полезнее впредь для жизни, как хорошее какое-нибудь вос-

помянутое, и особенно вынесенное еще из детства, из родительского дома». И подпись под эпиграфом: «Достоевский».

Ну что можно возразить против этого эпиграфа? Только вот какая странность: слова эти принадлежат не самому Достоевскому, а одному из героев его романа... Их в романе «Братья Карамазовы» произносит на похоронах бедного Илюши Снегирева Алеша Карамазов. А уж какое было счастливое детство у детей в семье Федора Павловича Карамазова, нам известно! Но может быть, именно поэтому у гроба Илюши говорит эти слова Алеша Карамазов? У этого доброго, кроткого юноши, мечтающего о том, чтобы все люди были счастливы, сильно стремление к тому счастливому детству, которого он сам был лишен, сильно понимание того, как много значит счастливо прожитое детство для всей дальнейшей жизни человека.

Когда Достоевский создавал свой великий роман, мало кто в науке — в психологии, в педагогике — занимался изучением психологии детства, ее значения для всей дальнейшей жизни человека. Теперь педагогика Корчака, педагогика Сухомлинского, развитая во многих трудах советских ученых и литераторов, воспринята многими тысячами людей, занимающихся воспитанием детей.

Но Юрий Коринец, когда писал свои автобиографические книги, не ставил своей задачей точно передать историю своего детства. Мне кажется, что в этих книгах создавалась модель такого детства, которое необходимо, чтобы человек был счастливым. Чтобы он, став взрослым, был бы так же счастлив, как в детстве. Чешский поэт Витезслав Незвал, о чьих воспоминаниях я уже говорил, писал: «Если бы меня спросили, где обретаются платоновские идеальные прообразы мира, я бы ответил без размышлений — в мире детства».

В повести «Там, вдали, за рекой» взрослый, умудренный жизнью автор часто вмешивается в слова маленького Миши, он комментирует его поступки, мысли. И этот взрослый человек пишет:

«Я часто думаю: почему большее количество подарков падает у человека на детство? Почему, когда люди становятся взрослыми, они получают меньше подарков? Потому, что меньше дарят!»

Все, что не досталось Мише, когда он стал подростком, юношей, взрослым, — все это находится в его прекрасном, интересном, удивительном и замечательном детстве! Это вовсе

не означает, что этот мир детства выдуман писателем. Если бы все было так просто, то книги не обладали бы такой убеждающей силой. Да и навряд ли Юрий Коринец с такой категоричностью заявлял бы, что книги его о детстве — автобиографичны. Нет, они не выдуманы, они построены на совершенно реальных воспоминаниях, реальных до того, что читатель, который является современником и земляком лирического героя, совершенно отчетливо видит в рассказах героя каждую историческую, каждую бытовую деталь, характерные для двадцатых и начала тридцатых годов в Москве, в нашей стране, в тогдашней Германии. Все это точно увидено ребенком. Но рассказано об этом взрослым человеком.

Чтобы так рассказать о своем детстве, недостаточно просто перенестись в свое детство. Надо уметь заново приобрести утерянную с годами зоркость детства, психологию ребенка. Известный русский художник Павел Петрович Чистяков, воспитавший в Академии художеств таких замечательных художников, как Репин, Суриков, Серов, Полenov, говорил своим ученикам: «В детстве все видишь вернее, да сказать не умеешь... А если кто научился, да опять одуреть может как маленький, тот и художник...» Вероятно, то, что Чистяков грубовато называл «одуреть как маленький», является не только природным исключительным свойством. Оно еще и достигается трудом художника, исключительно упорным тщанием проникнуть в тот заветный, счастливый край детства, из которого он был выброшен самой жизнью. Вероятно, это имел в виду Пикассо, когда он на выставке детского рисунка сказал: «В их годы я рисовал, как Рафаэль, но мне понадобилась вся жизнь, чтобы научиться рисовать, как они».

Когда в 1976 году появилась первая прозаическая книга Юрия Коринца «Там, вдали, за рекой», она произвела сильное впечатление тем, как ее автор сумел точно и выразительно вернуться в свое далекое детство. Вернуться так, что, несмотря на нескрываемое присутствие автора, казалось, что книга написана, что называется, «по горячим следам» событий, написана «сиюминутно» после каждого с ним происшествия. Речь идет даже не о происшествиях, которые почти одинаково важны для ребенка. Скорее тут речь идет о самоощущении его после того, что произошло. Да и, собственно говоря, ничего особенного и не произошло! Просто идет жизнь, и жизнь эта — прекрасна и удивительна!

«Скажи-ка, дядя, ведь не даром Москва, спаленная пожаром, французам отда-на-а?» — пел я, размахивая портфелем, в котором лежала моя контрольная. А Москва вокруг и правда была как в пожаре, потому что приближалось 1 Мая, и всюду вывешивали красные флаги, и красные лозунги, и портреты. Всюду продавались маленькие красные флажки, и красные воздушные шары, и зеленые шары, и оранжевые шары. И на трамваях тоже были красные флажки и лозунги. Вся Москва была красная! И синяя! И голубая! И зеленая! И вся в солнце! Такая веселая-веселая! И вовсе она не отдана французам! Она отдана мне! И дяде! И маме с папой! Всем нам, советским людям! И мы ее никому не отдадим. Это говорил дядя. И так было написано!»

В этом «потоке сознания» маленького школьника главным знаком препинания является восклицательный знак. Это знак радости от всего окружающего чудесного мира, который весь — без остатка! — принадлежит Мише и его близким.

Первые повести Юрия Коринца проникнуты ощущением радости и удивления перед открытиями, которые каждый день делает маленький человек. Миша, а вместе с ним его читатель, узнают вещи, которые, может быть, некоторым взрослым кажутся не такими уже и важными, а на самом деле — удивительно необходимы. А главное — интересны. Например: как определить направление ветра? Это ведь так важно при охоте, да и вообще, когда идешь в школу, ну и во всех случаях жизни! Оказывается, надо поскоблить ножом ноготь большого пальца — тончайшая пыль, падающая с ногтя, укажет, куда дует ветер...

Да что там определение направления ветра! Герой повестей Юрия Коринца непрерывно узнаёт множество таких вещей, о которых он понятия не имел!

Он узнает, что такое «стреляный воробей», «провокаатор», «мемориальная доска», «сидеть на иголках», «канун», «смотреть сквозь пальцы», «на роду написано», «дипкурьеры», «притча», «шовинисты», «досконально», «десять потов»... Остановимся! Потому что этот список можно сделать какой угодно длины. Право, это не повесть, а настоящий толковый словарь!

Читатель узнает множество вещей и понятий самого различного свойства: начиная от того, что означает «переход количества в качество», и кончая наилучшими условиями для ловли

форели. И обо всем этом рассказывается необыкновенно точно, с интонацией собственного открытия.

«Я стоял у берега, по колена в воде, с открытым лицом — накомарник был закатан и укреплен английской булавкой на шляпе, потому что комаров было мало: дул ветер и побрызгивал дождь. Была самая лучшая погода для ловли форели. В солнечную погоду, когда воздух и вода пронизаны светом, форель очень хорошо видит — она видит и рыбака на берегу, и тень от рыбака, которая движется по воде и убегает. А когда пасмурно и нет от тебя тени да еще вода рябит от дождевых капель или от ветра, тогда форель видит плохо, тогда она смелая. Тогда хорошо клюет!»

Читаешь это, и не вызывает сомнений, что автор рассказа совершенно самостоятельно, на основе, как говорится, «личного опыта» пришел к познанию оптимальных условий ловли форели...

Ну, а что такое абстрактная живопись? Об этом Миша тоже узнал совершенно самостоятельно? Он о ней рассказывает: «Что значит рисовать абстрактно? Рисовать абстрактно — это значит рисовать то, о чем вы не имеете никакого понятия, и так, чтобы оно было ни на что не похоже. Это, конечно, ужасно трудно».

Или Миша спрашивает у своего читателя-собеседника: «Вы знаете, что такое дирижабль? Вам ничего не говорит это слово? Очень жаль! Мне это слово говорит много. Когда я был маленьким, дирижабли были в большой моде. Дирижабль — это прекрасная вещь! Это огромный пузырь, наполненный газом. Пузырь в форме сигары. Снизу к пузырю приделана кабина. В ней сидят люди. Так они и летают. Дирижабли бывают огромные — выше пятиэтажного дома».

Как мы понимаем, все, что Мише кажется его собственным открытием, опытом его собственной жизни, узнано им «со стороны» — от других. И не просто узнано. А еще и усвоено в результате глубокой работы собственного разума и души.

«Автобиографические» книги Юрия Коринца — история взросления, непрерывного обогащения детской души, детского интеллекта. Для человека это интеллектуальное обогащение, взросление, превращение ребенка во взрослого невысказано без постоянного общения со взрослыми людьми, передающими ребенку свой личный и социальный опыт. Героями книг Юрия Коринца в равной степени являются не только мальчик Миша

или мальчик Юра, а окружающие его взрослые люди. Но и среди них он выделил главного — дядю, лирического героя книг Юрия Коринца. И недаром свою дилогию «Там, вдали, за рекой» и «В белую ночь у костра» он назвал: «Две повести о дяде». И это отнюдь не преувеличение. Дядя, о котором написаны эти повести, невероятно интересен и занимателен.

Даже при самом небольшом жизненном опыте маленький читатель книг Юрия Коринца быстро догадывается, что любимый дядя — неистощимый выдумщик, он рассказывает о себе истории совершенно невероятные, не уступающие порой рассказам барона Мюнхгаузена. Например, как он поймал шаровую молнию на самую обыкновенную блесну...

«— Правда, я сначала допустил ошибку...

— Какую ошибку?

— Сначала я схватил подсачник и хотел ее поддеть подсачником. Но это было глупо, потому что она его тут же прожгла! Тогда я сообразил! Я схватил свой спиннинг и показал ей блесну! И она пошла на блесну... Она-таки клюнула, доннерветтер! — дядя восторженно рассмеялся».

А чего стоит рассказанная дядей история о том, как на самом Северном полюсе, где разыскивал свою утерянную трубку, встретился с Полярным человеком!

«Метрах в двухстах от меня, — сказал дядя глухим голосом, — возле большой глыбы льда сидел Полярный человек и сосал мою трубку!

— Как ты узнал, что это Полярный человек? — спросили мы хором.

— Он был голый! — рассмеялся дядя. — Он был совершенно голый!...

Дядя сидел важный, развалившись на медвежьей шкуре. Он был в мохнатом красном халате, загорелый, кудрявый, уса́тый... Он улыбался. Темные глаза дяди сияли. В каждом зрачке горело по маленькой свечке. У дяди был вид именинника».

И вот, этот дядя продолжает свой рассказ о встрече с Полярным человеком.

«Дядя сделал паузу и обвел нас горящим взглядом.

— Полярный человек первый начал разговор: «Здравствуй-те!» — «Здравствуйте!» — «Я чрезвычайно рад вас видеть!» — «Благодарю. Я тоже!» — «Вы здесь с кораблем?» — «Нет, его

здесь нет». — «Сколько вас здесь?» — «Со мною двадцать собак в шести метрах от Северного полюса!»

Вдруг Полярный человек пристально посмотрел мне в глаза и произнес: «Вы дядя того самого мальчика из Москвы?» — «Да, я дядя того самого мальчика». — «Клянусь, я чрезвычайно рад вас видеть!» Мы кинулись друг другу в объятия и крепко расцеловались...»

Далее выясняется еще более потрясающие подробности. Полярный человек полиглот! Он знает четырнадцать языков, которые он изучил по радио, подобрав с какого-то погибшего корабля радиоприемник. И вообще он интеллигентнейший человек. Живет на Полярном полюсе в снежном домике с женой и тремя детьми, которые все любят говорить по-русски...

Даже чрезвычайно терпеливые родители Миши не выдерживают.

«— Эх-хе-хе! — вздохнул папа.

— Я устала, — сказала мама. — Я больше не могу выносить этот бред!»

Но для Миши невероятные рассказы дяди абсолютно реалистичны, ибо все детали этих рассказов соответствуют его представлениям. Например, дядя рассказывает, как он служил во время русско-японской войны на флоте и был помощником кока — повара. В его обязанности входило рубить муку и продувать макароны. Да-да! А как же иначе делается мука? Ее рубят, и кто рубит помельче — тот рубит лучше. А макароны надо обязательно продувать — иначе зачем сделаны в них эти каналы? Удивительно даже не эти детали в дядиных рассказах! Удивительно, насколько точно дядя знает, что его племяннику будет интересно, а что — неинтересно. Дядя рассказал Мише, что он так хорошо продувал макароны и так хорошо рубил муку, что его повысили: сделали кочегаром. Для взрослого и знающего человека — быть кочегаром плохо, потому что очень трудно. А для мальчишки нет ничего интереснее работы кочегара: ревет огонь, туда все время подсыпашь уголь, кипит пар — захватывающе интересно! А раз интересно — значит, хорошо! И назначение кока кочегаром — конечно, повышение. В этом сомнения нет, как и во всем, что рассказывает дядя.

Конечно, дядя не все рассказывал своему любимому племяннику. Дядя был хранителем таких тайн, которые он не мог рассказать даже Мише. Например, как с помощью топора и

осинового полена он сделал такую штуку, которая взорвала японский флот.

«Многие просили моего дядю рассказать, что это за т а к у ю штуку он сделал. Но дядя не мог этого открыть, потому что это была слишком страшная штука. Так это и осталось его тайной. Даже мне дядя ничего конкретного не рассказал. Когда я спрашивал дядю, что это была за штука, дядя делал страшные глаза и кричал:

— Это был Этвас! Этвас!..

После этого дядя всегда погружался в молчание. Когда было нужно, мой дядя был нем как могила.

Вот какой это был человек!»

Когда мы — взрослые — читаем повести о замечательном Мишином дяде, нам, конечно, не приходит в голову объявить его вруном, который для забавы морочит голову ребенку. Нет, мы уже педагогически грамотны и понимаем, что дядя — не враль, а фантазер, сказочник, превосходно понимающий роль фантазии, сказочности в жизни ребенка. Мир детства должен быть необыкновенным и праздничным.

Юрий Коринец не случайно предварил свои «повести о дяде» эпитафией из «Братьев Карамазовых». И навряд ли он прошел мимо одного из писем Федора Михайловича Достоевского, в котором говорилось: «Фантазия есть природная сила в человеке, тем более в ребенке, у которого она, с самых малых лет, преимущественно перед всеми другими способностями развита и требует утolenия».

Да, маленькому Мише очень повезло на своего дядю! Потому что приверженность дяди к фантазии всегда опиралась на реальную жизнь, реальную историю, железные нравственные правила. Его дядя, встретив на Северном полюсе Полярного дикого человека, не поднимал против него ружья, и сам этот дикий, голый, поросший густой шерстью человек, не бросался на дядю, кровожадно сверкая зубами... Нет, они бросились в объятья друг другу. Да иначе и быть не могло, потому что и дядя и Снежный человек добрые и вполне интеллигентные люди. Другими они не могли быть.

Особенность того, что именуется «фантазиями», у дяди заключалась еще и в том, что дядя никогда не декламировал «добрые чувства» и всякие другие высокие материи. У него получалось всегда так: быть добрым просто очень «выгодно» и «удобно».

«Многие спрашивали дядю — зачем ему две собаки?

Разве вам не хватит одной? — говорили дяде. — Представ-
ляем, сколько с ними хлопот! Нужно их кормить, мыть,
воспитывать. Как вы только справляетесь?

В том-то и дело, что иметь несколько собак легче, чем
одну, — отвечал дядя. — Надо только, чтобы у них был разный
характер. И предоставить их самим себе. Тогда они сами будут
друг друга воспитывать. Конечно, я направляю это воспитание,
я слежу за ними. Но, по сути дела, они сами друг друга воспи-
тывают. Они даже меня воспитали, я уж не говорю о племян-
нике!»

Рассказ Миши о дядиных собаках Чанге и Ханге захватыва-
ет и самого рассказчика и его читателей. Каждая собака
имела, конечно, свои недостатки: Ханг был озорником; Чанг —
ленив. Но они были смелые, бесстрашные и очень умные. Не
приходится говорить, что они были еще красивые и очень
способные. Нет, не способные — просто талантливые! Рассказы-
вая о дядиных собаках, Миша — незаметно для самого себя —
начинает сам творить сказку о Чанге и Ханге, сказку, которой
позавидовал бы и сам дядя... Чанг оказывается, как и его хозя-
ин, музыкален, обладает замечательным слухом и умеет петь.

«По радио пел Лемешев, а дядя ему подпевал: «И, набрав-
шись сил, чуя смертный час, он товарищу отдает наказ...»
И вдруг запел Чанг! Это было так неожиданно, что дядя замол-
чал. Мы оторопели... После каждого куплета Чанг останавли-
вался, стыдливо смотрел в сторону, а потом опять продолжал.
Видно было, что он стесняется, но не петь он не в силах...
Чанг пел очень выразительно, с душой. У него оказался глубо-
кий бархатный голос. Его пение сразу захватило нас. Мы не
могли пошевелиться.. Когда Чанг кончил, дядя зарыдал и
кинулся ему на шею.

— Доннерветтер! — рыдал дядя, обнимая Чанга. — Доннер-
веттер!»

Миша поведал нам, что дядя научил петь и Ханга. «В ре-
зультате дядя создал неплохой собачий дуэт.

Слава о дядином дуэте разнеслась далеко. К дяде стали
приходить разные темные личности и просить дядю, чтобы он
продал им своих музыкальных собак. Но дядя всем отказывал.
Когда они очень упорствовали, дядя спускал на них Ханга и
Чанга, и тогда эти личности еле уносили ноги. Не такой чело-
век был мой дядя, чтобы продавать своих друзей».

Как естествен переход от сказок, которые сочиняет Мишин дядя, к сказкам, которые сочиняет сам Миша. И не просто сочиняет, а говорит с убежденностью в реальности всего, о чем он рассказывает!

В своем третьем автобиографическом произведении, в романе «Привет от Вернера», автор уже не будет называть своего героя вымышленным именем — Миша... Там он станет Юрой. И там, в совершенно реальной жизни, Юра будет продолжать играть. На этот раз у него не будет уже дяди, который умел все превращать в игру, в сказку. Но потребность в сказке у Юры не исчезнет. И он сам ее придумает. И у него в жизни появится умный и добрый друг, который будет для него столь же необходимым, как необходим был Мише его дядя. Для Юры другом станет Памятник Воровскому. Да, тот самый памятник, который стоит у дома на Кузнецком мосту, где жил Юра, живущий в Москве или приехавший в Москву. Юра беседует с Памятником Воровскому, рассказывает ему о самом главном, тайном, что никому другому он поведать не может, он станет памятнику писать письма и получать ответы...

Герой романа «Привет от Вернера» — это и тот маленький Юра, который когда-то, очень давно, жил на Кузнецком мосту, и тот взрослый человек, писатель Юрий Коринец, который написал этот роман. Не знаю, который из них говорит об этом романе: «Это книга о первом детстве. Потому что у человека есть и второе детство, и третье — там все четче, там глубже тень и ярче свет. А первое детство — это раннее утро, когда человек входит в мир еще робкими шагами».

В конце романа «Привет от Вернера» между маленьким Юрой и Памятником Воровскому происходит их последний, прощальный разговор. Кончается детство маленького Юры, кончается роман, в котором происходило столько значительных событий.

«— Вот и уходит твое первое детство! — сказал вдруг Воровский.— И писем ты мне больше писать не будешь!»

Мне стало как-то неловко. Я действительно не собирался ему больше писать. Хотя теперь-то я знал все настоящие буквы.

— Я же был тогда маленький! — сказал я.— Но я тебя все равно не забуду! И Вернера!

— Нас нельзя забыть! — сказал Воровский.— Мы всегда будем с тобой — там, куда уходит твое детство... А все же мне будет грустно без твоих писем!

— Ты говоришь, что мое детство уходит? Куда?

— В воспоминания! — сказал Воровский. — Все на свете уходит в воспоминания. Это и есть жизнь, когда действительность уходит в воспоминания. И надо жить так, чтобы эти воспоминания были хорошими, чтобы ты мог ими гордиться...»

Автобиографические книги Юрия Коринца для писателя и его читателя означают возвращение к той части жизни, которая ушла в воспоминания. Эти книги написаны для того, чтобы, всматриваясь в прошлое, найти в нем главную правду прошлой жизни. Ибо она составила нравственный фундамент всей последующей жизни автора воспоминаний. И — всего его поколения.

Кладбище Блесен

Норий Коринец со всей определенностью сказал, что первые три книги его прозы — автобиографичны. У нас нет оснований сомневаться в справедливости этого заявления. Но мы уже раньше убеждались, что биография лирического героя произведений не всегда и не во всем совпадает с реальной биографией писателя. И — тем не менее — «Там, вдали, за рекой», «В белую ночь у костра» и «Привет от Вернера» — биографичны, ибо они рассказывают не только о биографии человека, но прежде всего и больше всего о биографии эпохи, биографии времени.

Двадцатые годы... Только совсем недавно закончилась долгая, страшная в своей жесточенности, гражданская война, изгнаны интервенты, минули годы голода, невероятных лишений, хозяйственной разрухи. Еще продолжается то, что в документах именовалось «восстановительным периодом». Встают из руин фабрики и заводы, засеиваются поля, из асфальтовых котлов, из подземелий и развалин извлечены, вымыты, одеты, накормлены и помещены в детские дома последние «беспризорники» — сироты времени.

Уже нет дореволюционного подполья, но живы и совсем еще не старые люди, выходившие некогда с красным флагом на демонстрации; еще совсем молоды те, кто гнал с родной земли Колчака, сбрасывал Врангеля в Черное море, схватывался с бандами батьки Махно в бескрайних украинских степях.

Уже нет Ильича. Но живы и работают его соратники, товарищи и друзья, люди, с которыми он разговаривал, работал, шел «вместе, взявшись за руки», — так некогда сказал Владимир Ильич о себе, о своих товарищах по создаваемой им партии. Личность Ленина, его идеи, его пламенная революционная вера оказывают огромное формирующее влияние на людей Нового мира — от старых большевиков до тех ребятшек, которые с завистью смотрят на пионеров и ждут не дождутся, когда им наденут красный галстук.

Это время возникновения и развития всего того, что потом расцветет, но всем своим существом произрастает отсюда, из двадцатых годов. Живопись, театр, кино — все тянется корнями в годы, которые и являются главным героем автобиографических книг Юрия Коринца. В этих книгах, которые, казалось бы, являются воспоминаниями о детстве одного мальчика, время предстает во всей правдивости, сложности и противоречивости, в великом и смешном, веселом и трагическом.

Юный читатель этих книг знакомится с понятиями, которых он раньше никогда не встречал, многие из этих слов исчезли, став историей: «Сухаревка, эппман, беспризорные, наркоминделец». Многое он слышал, но понял, только прочитав книгу о своем сверстнике, жившем давно-давно, когда только появились пионеры.

Мы уже говорили о том, что заставило сердце маленького Миши прикипеть к «коммуналке». Общение людей, разных людей, общественная жизнь, из которой узнаешь каждый день что-то незнакомое и новое. В этой постоянной толчее людей каждый что-то свое вносит и от каждого что-то получает. И там о каждом составляется общественное мнение.

«Общественное мнение — это то, что о тебе говорят. Это тоже объяснил мне дядя. Например, ты живешь у себя в комнате, но все время выходишь из нее и бываешь в общественных местах... И всюду встречаешь людей, которые тебя видят и с которыми ты разговариваешь. И из этого составляется общественное мнение... Ты можешь потом неделю не выходить из комнаты, а о тебе все равно говорят! Ты можешь уехать на месяц, на год, на несколько лет, ты можешь даже умереть, а о тебе все равно говорят! Это работает общественное мнение. Как объяснил мне дядя: «Ты приходишь и ты уходишь, а мнение остается». Общественное мнение — очень важная вещь! Надо, чтобы оно было хорошее. То есть чтоб о тебе говорили хорошо».

Собственно говоря, в этом монологе ребенка о том, что такое «общественное мнение», рассказывается о нравственном становлении человека, о создании в нем ценностных ориентиров, моральных «точек отсчета». Оно создается в постоянном общении не только со своими родителями, своими учителями в школе, а в центре сложной, не всегда понятной «взрослой» жизни. Нет, далеко не всегда жизнь этих взрослых людей была светла, незамутненна, далеко не все они были хотя бы приблизительно похожи на необыкновенного дядю. Это были люди и хорошие, и плохие, и интересные, и совсем неинтересные, и те, кто тебя любил, и те, кому ты был безразличен. Или хуже того — кто терпеть тебя не мог!

В романе «Привет от Вернера» жизнь в коммунальной квартире уже не носит такой праздничный и радостный характер, как в первых двух «повестях о дяде». И знаменитый, замечательный дядя там отсутствует, и жизнь окружающих людей выглядит более драматичной. Может быть, потому, что маленький Юра уже вступает из первого детства во второе, где «глубже тень и ярче свет»? Действительно, в этом романе свет намного ярче. Там рассказывается не только о рыбалках, о ночных кострах, но и о грандиозном детском празднике — Всесоюзном слете пионеров; о знакомстве со старыми большевиками — друзьями Ленина; там происходит знакомство ребенка с теми, кто является «профессиональными революционерами»... И тени там глубже. Рядом с героизмом и самоотверженностью одних — корыстолюбивая суета других; рядом с простым счастьем одних людей — глубокая драма других. Противоречия времени сказываются обязательно на той маленькой модели жизни, какой является коммунальная квартира. И маленькому Юре и его товарищам приходится видеть наглое торжество плохого человека и самоубийство человека доброго и правдивого.

Хочется пристальнее взглядеться в самое начальное, самое «первое» детство героя книг писателя. Собственно говоря, не следует представлять себе дело так, что есть какая-то хронологическая последовательность в первых трех прозаических произведениях Юрия Коринца. Не надо быть исследователем, чтобы установить по множеству реалий, что Юра в романе «Привет от Вернера» вовсе не подросток Миша из дилогии «Там, вдали, за рекой». Действие романа происходит в середине двадцатых годов; в самом начале тридцатых, а маленький

Миша провожает своего дядю в Испанию, где идет гражданская война, а потом прощается с ним — навсегда — в конце тридцатых годов... Следовательно, никакой точной хронологии здесь нет. В этих книгах рассматриваются разные пласты времени, а самое главное — разные ступени душевного взросления ребенка. Совсем не случайно в романе «Привет от Вернера» героя зовут уже не Мишей, а Юрой и нет в нем того главного действующего лица, о котором были написаны первые две книги, — нет дяди.

«Привет от Вернера» повествует о том, как трудно бывает ребенку, у которого непрерывно возникают самые жгучие вопросы, требующие немедленного решения, немедленного ответа и которому не у кого узнать ответы на эти вопросы. Потому что у него папа и мама работают, им всегда некогда, маленький Юра предоставлен часто самому себе, и на вопросы, возникающие у него, он должен получать ответы самостоятельно, находя эти ответы в самой жизни.

А «Там, вдали, за рекой» и «В белую ночь у костра» — это повести, где создан идеальный мир ребенка. Он не только купается в любви близких и взрослых, он живет в мире, где все ясно и понятно, где совершенно четко проведены границы между добром и злом, между красными и белыми, между тем, что можно и нужно, и тем, что нельзя и недопустимо. И все это происходит с героем этих повестей потому, что рядом с ним живет его замечательный, его невероятный дядя!

Кто же он, этот дядя? Писатель уверяет своего читателя, что это совершенно реальная личность. И чтобы сомнений в этом не было, приводит даже «Выписку из послужного списка законодательного отдела управделами Реввоенсовета Республики». И там, как говорится, черным по белому написано, что дядю этого зовут Петр Иванович Феденко, что родился он 10 декабря 1887 года в г. Елизаветполе и является членом ВКП(б) с 1905 года. В этом «Послужном списке» приводятся даты поступления на службу, перехода с одной работы на другую — все, как обычно. Но, вчитываясь в эту анкету, мы видим, что с дядей происходят события, типические для всего поколения, к которому он принадлежал. С первого дня создания Красной Армии — он в ней, дерется с белыми; ранен, потом становится одним из первых советских дипломатов; потом борется с басмачами в Средней Азии; потом работает в деревне, организует группы бедноты, проводит коллективизацию на

Верхнем Дону; затем едет строить Магнитку, а потом Днепро-строй; а затем работает в Главсевморпути... Ну, а потом уезжает в таинственную поездку в неизвестное — в Испанию...

Вероятно, у того читателя, для которого написана книга — «Для младшего школьного возраста», как написано в конце книги, подлинность анкеты не вызывает сомнения. Это только мы, анализируя роман, доискиваемся до того, что «Послужной список» составлен в никогда не существовавшем «законодательном отделе» Управления делами Реввоенсовета, что вместо Нижне-Волжского края в анкете появилась никогда не существовавшая «Нижне-Поволжская область». Это анкета не одного, реального человека, это анкета целого поколения. И как бы для того, чтобы еще раз подтвердить это, автор собирает вместе, за одним столом друзей своего дяди в тот вечер, когда провожают дядю на таинственный «курорт», а на самом деле — в Испанию, чтобы там драться за революцию, за испанских тру-ящихся.

Кто они? Избранный тамадой, большой, толстый, усатый грузин Ломидзе предлагает каждому из друзей дяди сказать, «сколько соли они съели» со своим другом и когда. И он окликает каждого:

«— ...Сайрио!

— Тысяча девятьсот девятый год! — сказал Сайрио.— Ссылка в Сибирь. Пуда три соли!

— Слово имеет товарищ Суслин!

— Тысяча девятьсот двадцать четвертый год! — сказал Суслин.— Каракумы. Особый отряд по борьбе с басмачами! И еще Магнитогорский металлургический, тридцатый год! Восемь пудов!

— Товарищ Бауэр!

— Германия! — сказал Бауэр.— Деятнадцатый год. Четыре пуда!

— Ваше слово, товарищ Вайнберг!

— Тридцать первый, Поволжье. Кампания по борьбе с голодом. Соли почти не было — поэтому грамм... грамм сто!

— Это тяжелая соль! — сказал Ломидзе.— Сто грамм такой соли весят пудов семь!..

— Добавлю от себя десять пудов! — сказал Ломидзе.— В разное время...»

Потом, во второй части диалоги, мы встретимся в белую северную летнюю ночь у костра еще с одним другом дяди — Пор-

фирычем, мы еще наслушаемся множество рассказов о том самом Сайрио, о героическом грузинском революционере Бакрадзе, о множестве друзей дяди и их необыкновенной жизни большевиков. Перед нами встает целое поколение людей разных национальностей: русские, грузины, евреи, немцы, финны... — спаянных вместе общностью великой идеи и великой цели. Это настоящее интернациональное братство людей, «съевших много пудов соли» в общей борьбе за дело революции. Все они разные по своим биографиям, возрасту, профессиям, происхождению, но все они вместе составляют один коллективный портрет поколения, совершившего революцию, победившего в борьбе за установление Советской власти, строящего социализм в своей стране... Все они — разные, и все они слились воедино в образе необыкновенного дяди маленького Миши.

У этого дяди, кроме выдуманных, нарочито-невероятных историй, была реальная жизнь. Жизнь, полная тяжелой работы, изнурительных путешествий, опасных боев... Это была жизнь, настолько полностью отданная его делу, что нас даже не удивляет отсутствие у него своей семьи. Хотя, как нам, читателям, кажется, кому бы и не иметь детей, как этому жизнерадостному, умному и доброму человеку, у которого существует редкий талант общаться с детьми «на равных», вести их за собой, внушать им свои мысли, свои оценки, верить в то, что поколение, которое он воспитывает, не просто усвоит то, во что он верит, а будет еще лучше, умнее, нравственнее, чем его поколение.

Маленький Миша серьезно размышляет о самых разных вещах, понятиях и представлениях.

Вот, например, он думает о том, каким он должен быть художником, ведь он любит рисовать. Рассудительно, не спеша Миша объясняет:

«Каждый хороший художник ни на кого не похож, он похож только на себя. Когда художник начинает рисовать, он, как правило, похож на всех других, потому что его «я» еще в нем спит. Надо это «я» найти и разбудить! Так говорит дядя. И тогда твои рисунки станут ни на кого не похожими. Потому что каждый человек может сказать людям что-то такое, что никто другой сказать не может. Каждый человек видит то, чего не видят другие. Вот это-то и ценно! Потому что если ты скажешь людям то, чего они не знают, ты откроешь им нечто новое — э т в а с, как говорил дядя. Это э т в а с и будет

открытием. А открытия обогащают человечество! И тогда оно движется вперед. Вот почему так ценно найти себя, чтобы сказать людям что-то новое».

Могут показаться немного странными и немного смешными эти рассуждения маленького резонера, объясняющего такие важнейшие проблемы тоном заправского лектора... Но и самый неопытный читатель понимает, что маленький Миша пересказывает мысли своего дяди. Перед нами не наивный рассказ о существовании искусства, а целая, развернутая педагогическая программа.

И нельзя сказать, чтобы эта программа во многих своих частях совпадала с педагогическими ухищрениями иных теоретиков. Это было время, когда прежде всего и больше всего подчеркивалась только роль коллектива. «Индивидуалист!» — было почти бранной кличкой, и за «индивидуализм» могли проработать даже на пионерских сборах. В школе, где Миша учился, в институтах существовал «бригадный метод», когда занимались бригадой и кто-то один сдавал экзамены за всю бригаду... В стремительном движении организованных масс было что-то величественное, подлинно цельное. И было в нем нечто такое, что противоречило стремлению каждой отдельной личности выразиться, быть непохожей на другую, найти что-то свое...

Старый большевик Петр Иванович Феденко, которого мы знаем по повести как замечательного дядю, имел на этот счет свое мнение, то самое, которое так важно высказывает Миша, рассказывая об искусстве. Он думал постоянно и упорно о том, что неизбежно наступит время, когда его и его поколение должны будут сменить другие, идущие за ними. И — в том числе — поколение, к которому принадлежит его любимый племянник. В деятельном и настойчивом процессе воспитания, которым занимается дядя, нет столь распространенного стремления старших видеть своих детей точно такими же, как они. Новые люди не должны быть такими, как предыдущие, они должны быть лучше, ибо в этом и только в этом заключается залог развития общества.

А дядя? Что думал он о времени, когда уйдет он, уйдет поколение его — Сайрио, Ломидзе, Суслина, Вайнберга? И придет на смену другие...

Есть в первой повести диалогии один очень важный эпизод. Дядя приехал из северной экспедиции, у него все прошло

отлично, он привез Мише два бивня, и счастлив Миша, и доволен его дядя. Миша, этот настырный, во все влезавший мальчик, допрашивает своего дядю, были ли у него неприятности. Мише это необходимо знать, потому что у него самого куча неприятностей в школе и ему следует знать, как себя вел в таких случаях его всезнающий дядя. И дядя его ему рассказывает о неприятностях, которые были у него: и на охоте промахнулся в кабана, и чуть было не погиб; и, выполняя конспиративное поручение, не сумел обмануть шпики и был арестован...

«— О чем ты сейчас думаешь? — спросил я.

— О неприятностях, — сказал дядя.

— О кабане?

— И о кабане...

— И о шпики?

— И о шпики...

— А еще о чем?

— Мало ли еще о чем!

Дядя посмотрел мне в глаза. У него были очень грустные глаза, у моего дяди.

— Это все чепуха! — сказал он.

— Что — чепуха?

— Кабан. И шпики. Это все чепуха. Бывало похуже...

— Что похуже?

— Узнаешь!.. Когда-нибудь...

— Жаль, что я маленький! — сказал я. — И что меня не было тогда с тобой! Я бы тебе помогал, и у тебя было бы меньше неприятностей...

— Это очень хорошо, что ты маленький! — сказал дядя. — Это прекрасно! В этом преемственность! Преемственность поколений! Ясно?

— Не ясно! — сказал я.

— Преемственность поколений — в этом вечная жизнь! — громко сказал дядя. — Ты — моя смена! Ты понимаешь, что ты — моя смена?

— Понимаю, — сказал я.

— Ведь ты же большевик у меня, не правда ли?

— Большевик, — сказал я.

— Вот именно! — крикнул дядя. И ты продолжишь мое дело! Ради которого я жил и боролся! И ради которого готов умереть!

— Ты никогда не умрешь! — сказал я тихо.

— Может быть! — сказал дядя. — Но я останусь вдали за рекой. А ты пойдешь вперед.

— Где вдали за рекой?

— В прошлом! — сказал дядя. — А теперь пойдем погуляем. Подышим воздухом».

Это, пожалуй, первая страница в повести, когда вдруг в этот, полный жизнерадостности, поток счастья бытия врывается пронзительный холодок тревоги и безотчетной грусти... Сам Миша еще не понимает ни уровня, ни источников этой грусти. Смерть? Но Миша еще не способен думать о смерти, он с ней не сталкивался, и ему непереносима сама мысль, что может умереть он или его близкие.

Дядя не может умереть! И умный дядя не разуверяет мальчика.

«Может быть!» — уклончиво отвечает он ему. Но сам-то он знает точно, что он умрет, что он останется вдали за рекой, ему только так необходимо знать, быть уверенным в том, что не пропадет его дело, что то, что не успел сделать он, сделает Миша и его товарищи. Потому что они обязательно должны быть умнее и лучше, чем он... И обязательно должны узнать, кем же были он, Петр Иванович Феденко, и его друзья и товарищи по революции, по сражениям за новую жизнь... Идет, безостановочно течет поток жизни, поток истории, и необходимо, чтобы новые поколения знали о тех, кого они сменили, кто остался за рекой, остался в прошлом.

Чем дальше идет повествование о дяде и его друзьях, тем чаще в рассказ, который ведет мальчик Миша, врывается голос взрослого человека, голос писателя, автора повести.

«И сейчас, когда я пишу эту повесть, когда я описываю ту далекую ночь, сейчас я тоже думаю о том, сколько воды утекло с той самой ночи.

Или с тех пор, как не стало дяди. Его ведь однажды не стало, и не так уж много утекло воды с той ночи на берегу до другой ночи, когда его не стало...»

Сильной, взволнованной рукой писатель отстраняет лирического героя своей повести, он отнимает у него слово; он сам хочет вести рассказ о том, как выполнил долг, завещанный ему дядей. Ну, не дядей, так отцом, матерью, их товарищами, их поколением.

«Сейчас, в тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году, когда я пишу эти строки, я думаю еще о кладбище блесен».

И писатель рассказывает о том, что именно он так странно назвал. В общем, довольно обычная история. Прошло много, много лет с той самой ночи у костра, с тех дней, когда он мальчиком, вместе со своим дядей и его друзьями, ловил на удочки форель, ловил на замечательные блесны, которые привозили ему и дяде его друзья. И вот он едет в поезде по этим северным местам и, волнуясь, смотрит в окно, чтобы не пропустить то самое место на реке Ниве, где он ловил семгу и форель, где он проводил с дядей незабываемые белые ночи... Но не состоялось у автора этого рассказа свидания с рекой своего детства.

«За окном тянулись сопки, поросшие неряшливым северным лесом, гранитные глыбы и торчащие на них низкорослые кривые березки, и болотистые лужайки... И вдруг мы увидели голое каменное дно реки!

Это было пустое русло Нивы».

Не только места, где они когда-то сидели у реки, он не нашел и самой реки. Не было ее. Не было чудесной, красивой, живой реки, полной жизни и воспоминаний. И никакого чуда в этом не было. Проводник вагона объяснил, что река уже давно упрятана в трубу, потому что построили гидростанцию, а для этого нужно было реку пустить под землей по новому бетонному руслу.

«А еще он рассказал, что был здесь в тот замечательный момент, когда обнажилось каменное дно реки, и что много набрал здесь рыбы — семги и форели, — ее хватали прямо голыми руками! Вот был улов! А еще он набрал среди камней английских блесен, все здесь собирали блесны, потому что все дно было усеяно ими — это было гигантское кладбище потрясающих блесен!

«Еще бы!» — подумал я.

Ведь все это были блесны старых большевиков — дипкурьеров, и дипломатов, и чекистов. Это были блесны Сайрио, и блесны Суслина, и блесны Рудзатака, это были дядины блесны и блесны Порфирия — все они приезжали сюда ловить и немало похоронили здесь блесен. Это были блесны Революции — вот какие это были блесны! И несколько моих, зацепившихся за камни блесен тоже когда-то лежали здесь на дне. Я говорю

«когда-то», потому что потом все это было растащено, все это сверкающее кладбище блесен, и ничего в этом нет удивительного, потому что все кладбища рано или поздно исчезают. Но зато остались камни, гигантские надгробия, для кого безликие и безмолвные, а для кого полные значения — говорящие камни, на которых я мысленно высекал имена.

...Мне было тяжело и печально и вместе с тем хорошо, потому что до этого у меня никогда не было своего кладбища, как впрочем у многих в наше время — у детей, без вести пропавших и неизвестно где погибших, — а теперь у меня было свое кладбище, пусть даже кладбище блесен, пусть растащенных, и это даже хорошо, что растащенных, потому что без них это каменное русло, протянувшееся на много километров — от озера Иматра до Белого моря, — стало еще величественнее».

Какой трагический реквием вдруг прозвучал в этой веселой, полной света и счастья книге! И для чего понадобился он писателю в его длинном, спокойном и веселом разговоре со сверстниками своего героя? Потому что не для пустяков писались эти книги. Не для того, чтобы маленькие читатели хохотали от невероятных рассказов дяди. Нет, не для этого!

Они написаны для того, чтобы поведать новым поколениям детей о тех, кто создавал наше общество, показывал примеры глубокой идейности, беззаветного мужества, высокого человеческого достоинства. «Две повести о дяде» — это повести об ушедшем поколении. И о том, что надо жить, примеряясь к людям этого поколения. Не к тому, что они знали — мы теперь знаем больше! — а к их нравственному уровню, к их моральным ценностям.

Диалогия Юрия Коринца заканчивается маленькой главой «Самое главное». Миша прощается с красивым северным морем, с камнями на берегу, белыми челноками, спящими чайками... И прощается со своим любимым дядей. Он, Миша, еще не знает, что прощается с ним навсегда.

«— Наверное, тебя опять куда-нибудь пошлют, — сказал я. — Воевать. Или строить.

— И вся-то наша жизнь есть борьба! — улыбнулся дядя.

— С врагами?

— И с врагами, и с самим собой, и с обстоятельствами...»

А потом дядя допрашивает своего маленького любимого племянника, который должен идти дальше, когда дядя останется за рекой, что же он вынес из этого путешествия

вия на Север, этих белых ночей, проведенных в долгих беседах у костра...

И когда Миша начинает ему наивно перечислять свои достижения: пойманную треску, и зубатку, и участие в походах...— дядя его перебивает:

— Люди! Вот что главное! Прекрасные люди, с которыми я тебя познакомил».

Этой фразой кончаются две повести о нем. И через много лет, после этой прощальной беседы на берегу Белого моря, писатель Юрий Коринец сделал то, что подспудно хотел от него дядя: он рассказал о его поколении.

Годы испытаний, поисков

Теперь, когда мы познакомились с маленьким героем «автобиографических» книг Юрия Коринца, мы имеем возможность сравнить их с реальной биографией писателя и присмотреться к тому, как в них трансформировалось реальное детство, реальная жизнь автора.

Юрий Иосифович Коринец родился 14 января 1923 года в Москве. Правда, такого «замечательного дяди», о котором он написал, у него не было. Но были замечательные родители. Был отец, чья биография необыкновенно схожа с биографией «дяди».

В повести «В белую ночь у костра» дядя рассказывает одну из своих необыкновенных историй. Героем ее был некий «Потапыч». В ней, собственно, рассказывается биография отца писателя.

Она действительно совпадает с той придуманной анкетой Петра Ивановича Феденко, которую дядя показывал своему племяннику. Отец Юрия Коринца родился в 1887 году на Кавказе, в г. Елизаветполе (ныне г. Кировобад). Он происходил из старинной семьи украинских казаков, перебравшихся на Кавказ после ликвидации Запорожской Сечи. Потомок этих беглых казаков — дед писателя — из крестьян стал мещанином, получил какое-то образование, достаточное, чтобы стать стационарным смотрителем. Неизвестно, какие услуги скромный стационарный смотритель оказывал богатейшему и знатнейшему помещику всей округи, сыну владетельного князя Абхазии —

князю Шервашидзе, но, во всяком случае, князь, слывший меценатом и покровителем просвещения в губернии, оказал большую помощь сыну смотрителя, он всячески способствовал тому, чтобы тот мог получить образование. Иосиф Коринец учился бесплатно в Елизаветпольской гимназии, окончил ее и на средства князя отправился продолжать образование в Берлин, где он учился на юридическом факультете Берлинского университета.

Иосиф Гаврилович Коринец еще в России был связан с революционным движением и стал членом большевистской партии. В Берлине его застала первая мировая война. Как и все другие русские, он был интернирован. Но это не помешало ему продолжать политическую деятельность, которой он занимался, еще будучи студентом. Он был связан с левым крылом германской социал-демократии, знал Карла Либкнехта, знал Евгения Левине — будущих организаторов «Союза Спартака», бубучих вождей германской революции и первых ее жертв.

Во время войны Иосифу Коринцу удалось наладить выпуск газеты для русских военнопленных, организовать их переписку друг с другом, он распространял среди них революционную литературу.

Интернированный русский студент женился на девушке из интеллигентной немецкой семьи. Нелегко было этой девушке, чьи четыре брата уже пали на Восточном фронте, соединить свою жизнь с бедным русским студентом. Для этого требовалась незаурядная воля и смелость. Этими качествами в достаточной степени обладала мать Юрия Коринца.

Сейчас же после заключения Брестского мира, еще до массовой перевозки в Россию русских военнопленных, Коринец с женой уехали в Советскую Россию. Собственно, не уехали, а бежали, пытаясь нелегально перебраться через границу. Это была весьма авантюрная история, вполне в духе тех, которые любил рассказывать знаменитый «дядя». Молодые супруги были арестованы немцами на границе и только чудом им удалось избежать тюрьмы. И не только избежать опасности, но и перебраться в Советскую Россию.

Буквально через считанные дни вчерашний пленник немцев дрался против них под Нарвой, в отрядах только что созданной Красной Армии, куда Иосиф Коринец немедленно вступил.

Сейчас же после заключения мира в Берлин приехало первое Советское посольство. В числе ее сотрудников был и

Коринец. Так вот и получилось, что всего через какой-нибудь месяц преследуемый беглец из Берлина вернулся туда с дипломатическим паспортом... Образование, знание языков и заграницы определили дальнейшую работу отца писателя. Он стал наркоминдельцем.

Здесь нет особой надобности пересказывать «первое детство» Юрия Коринца. Он его описал в романе «Привет от Вернера», который из всех трех произведений писателя наиболее «автобиографический». Маленький Юра жил в доме Наркоминдела на Кузнецком мосту, возле памятника Воровскому, убитому в Лозанне в год его рождения. И жизнь его протекала точно так, как он это изложил в романе. Отец служил в Наркоминделе, мать работала в издательстве «Под знаменем марксизма», переводила на немецкий язык произведения Ленина, советскую художественную литературу.

В конце двадцатых, начале тридцатых годов семья Коринца снова жила в Берлине, где старший Коринец работал в Советском посольстве. После возвращения в Москву он работал в различных правительственных учреждениях; жили они уже не на Кузнецком мосту, а в «Доме на набережной» — огромном многоэтажном доме, построенном для работников правительственных учреждений. Но это уже было даже не «вторым», а «третьим» детством писателя.

Юрий Коринец жил в двухязычной семье. Его отец свободно владел немецким языком, мать — свободно русским. Мальчик разговаривал с отцом по-русски, с матерью — по-немецки, оба языка ему были одинаково близки. Это еще усиливалось тем, что учился Юрий Коринец в школе имени Карла Либкнехта, где преподавание шло на немецком языке. В этой школе учились преимущественно дети немецких коммунистов: тех, кто был вынужден эмигрировать в Советский Союз, и тех, кто, работая в опасных условиях фашизирующей Германии, отправляли свои семьи в безопасное место — в СССР. Это была — как ее часто называли — «Коминтерновская» школа. То, что делали коммунисты в Германии и других странах, было для учеников «Коминтерновской» школы не отвлеченным делом, а своим, полным волнения и тревоги. В школу часто приезжали и выступали перед детьми зарубежные коммунисты, и школьники запоминали песни Буша, певшего перед ними, и речи людей, чьи имена потом, через много лет, стали символами мужества и отваги. Это была школа интернационального

братства, она оказала огромное влияние на мировоззрение школьника, подростка.

В светлые июньские дни 1941 года окончил школу Юрий Коринец. Прощальный школьный бал, прощальные прогулки до утра по тихой, спящей Москве — словом, все то, что мы уже не раз видели в кинематографе, в театре, читали в книгах, которые рассказывали о тех юношах и девушках, которые выходили из школы в жизнь в роковые июньские дни сорок первого года.

И у Юрия Коринца все было как у всех его сверстников. ...Бегом в военкомат, чтобы немедленно идти в Красную Армию — не берут, еще рано... Потом в райком комсомола — что-то делать для обороны. На грузовиках едут вчерашние московские школьники под Смоленск рыть противотанковые рвы. И — первая встреча с реальной войной: разрушение, сожженные деревни, бомбежка, отступающие войска. Копать рвы уже поздно... Школьники возвращаются в Москву на попутных машинах, пешком, они спешат, чтобы скорее очутиться в Москве и вернуться назад не с лопатой и киркой, а с винтовкой и пулеметом...

И в это время Юрию Коринцу приходится пройти через самое тяжкое испытание из всех, которые он пережил и которые ему еще предстоит пережить, — утрату родителей.

Первые годы войны он живет в Караганде, в колхозе. Колхоз имени Калинина был как и все колхозы, которые во время войны находились в далеком тылу. Мужчин почти нет — все на фронте. Остались старики, дети, женщины, да вот еще приехавшие в колхоз издалека, такие, как этот парень — Юрий Коринец. Ему 18 лет, он здоров, и он работает из последних сил — впрочем, как и все другие колхозники. Коренной горожанин, он становится возчиком на солах... Возчиком, грузчиком, пахарем — он делает всю мужскую трудную работу. Потом кончат курсы трактористов и садится за трактор: старый, выдавший виды трактор, который надо самому постоянно ремонтировать, подвинчивать, подвязывать... И обязательно выполнять плац, потому что надо во что бы то ни стало готовить продовольствие для фронта — боевого и трудового, для тех, кто воюет и для тех, кто делает для них оружие.

Да, все пришлось перенести: непривычный климат с изнуряющей жарой летом и непереносимым холодом зимой; трудные условия быта, постоянное недоедание. Пригодились и его

способности рисовальщика. На кусках износившихся простынь или мешковине рисовал знаменитые «коврики»: фантастический пейзаж с кипарисами и замками, лебеди, плавающие в пруду у мраморной пристани с беседкой... Коврики продавались на базаре ближайшего городка и пользовались неизменным успехом даже в те лихие годы.

В 1943 году Юрий Коринец из колхозника становится шахтером. Как ни мало было мужчин в колхозе, но приходилось их отпускать для работы в шахтах. Юрий Коринец переезжает в Караганду и начинает работать на шахте. В Караганде он прожил пять лет — до 1948 года. Окончилась победой война, стали возвращаться с фронта кадровые шахтеры, подросла молодежь, появилась возможность думать о том, чтобы реализовать свое призвание. Юрию Коринцу казалось, что оно — это призвание — в том, чтобы быть художником. Стремление рисовать его никогда не оставляло. И в Караганде на шахте он продолжал все время рисовать. Сначала «для приработка»: плакаты для кино, портреты для учреждений и демонстраций, «наглядное оформление» для своей шахты. Но к искусству это все не имело никакого отношения, искусству надо было учиться.

Ближайшая в Средней Азии художественная школа находилась в Самарканде. Туда и уехал учиться Юрий Коринец. Художественное училище в Самарканде имело давние и прочные художественные традиции. В Самарканде издавна жили и рисовали замечательные русские художники, а война и эвакуация забросили в город несколько прекрасных художников — педагогов из Ленинградской Академии художеств. Юрий Коринец учился со страстью, со всем упорством, ему свойственным. За год прошел он два курса. Ему повезло и на педагога. Его заметил очень опытный педагог, старый ленинградский художник Айзик Аронович Гольдрей.

Полтора года жизни в Самарканде были очень знаменательными для будущего писателя. С одной стороны — полуголодная жизнь, отсутствие постоянного жилища, а рядом с этим — праздник искусства, приобщение не только к навыкам мастерства, а к большому искусству, познание и понимание его. В 1949 году, после того как Самаркандское художественное училище было закрыто, Юрий Коринец переезжает в Ташкент. В 1951 году он оканчивает Ташкентское художественное училище, получает диплом, становится профессиональным художником.

Живописцем он не стал; его привлекала книжная графика. Его рисунки все чаще появляются на страницах узбекского ташкентского детского журнала.

Почему детского? Была ли в этом случайность или осознанный выбор? Мне думается, что скорее — второе. В нем очень рано для взрослого человека проявилась не только любовь к детству и детям, но и не часто встречающаяся способность понимать их, разговаривать с ними на их собственном, детском языке.

Рисунки Юрия Коринца не были тщательными, детализированными, сделанными «как у всех». Он видел мир по-детски. И рисовал его каким-то странным образом схоже с тем, как рисуют его сами дети. Много лет спустя, став уже известным прозаиком, Юрий Коринец иногда сам иллюстрировал свои книги. Стоит внимательно просмотреть рисунки в его дилогии, в книге «Там, вдали, за рекой», выпущенной издательством «Детская литература» в 1977 году.

Можно подумать, что их нарисовал маленький Миша! Если солнце — то просто круг, от которого расходятся большие запятые — лучи; если море — несколько волнистых линий изображают морскую зыбь; если высовывается из воды форель, то она несколько не меньше самого рыбака... Не соблюдаются никакие пропорции: собака иногда кажется намного больше мальчика, сидящего на ветке. Что же касается медведя, то его размеры, относительно собаки и людей, в огромной степени зависят от описываемой ситуации: если медведь нападает — он очень большой; а если на него нападают — то он оказывается меньше охотников и собак. Зато как тщательно, просто любовно на этих небрежных рисунках выписаны ножик с костяной ручкой, завязки у рюкзака, ведро, привязанное к телеге, — детали, бесконечно важные и интересные для ребенка.

Впрочем, не следует представлять себе дело так, что «детскость» графики Юрия Коринца проявляется в некоем примитивизме штрихового рисунка. Есть у писателя и красочные иллюстрации к его книгам. И там совпадение яркого, цветного рисунка с детским видением мира достигается не этой «небрежностью», а цветовой гаммой, смелыми мазками.

В том самом узбекском «Пионере», где рисовал Юрий Коринец, появились его первые стихи. В молодом художнике жило почти неосознанное стремление к стиху, к быстрым и точным словам, как-то само собою складывающимся в рифмы... Мы уже

помним, как об этом рассказывает мальчик Юра из романа «Привет от Вернера». И в этом было что-то удивительное. Почти все, кто стали «детскими» поэтами, сначала писали стихи «о взрослом» и для взрослых. И, даже став известными детскими поэтами, продолжали писать стихи, предназначенные не для детского читателя. У таких известных детских поэтов — наших современников, — как Григоре Виеру, Елена Благинина, Яков Аким и других, есть сборники стихов совершенно другой тональности, ощущений, стихи, издаваемые для взрослого читателя. Юрий Коринец никогда таких стихов не печатал. С самого начала своей литературной деятельности он обратился только к детскому читателю.

И постепенно художнику Юрию Коринцу стало все очевиднее, что поэзия, литература привлекают его больше, нежели графика и живопись, что именно литература является его призванием. Тут не было ни опьянения своими первыми публикациями, ни непоколебимой уверенности, столь свойственной молодости. Молодости-то уже не было... Отчетливо сознавал начинающий поэт, что за десять лет, прошедших со дня окончания школы, он мало читал, плохо знал русскую и мировую поэзию, что ему прежде всего и больше всего нужно стать культурным человеком.

Он рвется в Москву, домой, в «город, знакомый до слез», где существует единственное в своем роде учебное заведение — Литературный институт имени Горького.

Юрий Коринец был на пятом курсе Литературного института, когда в 1957 году вышел его первый стихотворный сборник «Подслушанный разговор». У учителей Юрия Коринца, у его товарищей, у редакторов и издателей, а самое главное — у его читателей не было никаких сомнений, что это книга самобытного, интересного поэта, обладающего редким даром контакта с детскими душами. За свою первую книгу, еще будучи студентом Литературного института, Юрий Коринец был принят в члены Союза писателей.

Вообще этот 1957 год был для него этапным годом — годом необычайного творческого подъема.

Множество поэтов отозвалось на всемирно-историческое событие — запуск 4 октября 1957 года первого в мире искусственного спутника Земли. Стихотворение Юрия Коринца об этом, написанное для детей, было настолько эмоционально ярким, что оно было впервые опубликовано не в детской газете, не в

«Пионерской правде», а в «Правде» 9 октября 1957 года. Стоит привести здесь это стихотворение которое называлось «Разговор со спутником земли»:

О первом спутнике земном
Мы думаем, как о живом.

Ведь он наш друг единственный
В холодной мгле таинственной!

Не трудно ли ему вдали
Лететь в космической пыли?

А он беседует с Москвой
Сигналил бодро: «Я живой!

Немного холодно вокруг,
Но завершил я первый круг.

Отлично я лечу, друзья,
И скорость не сбавляю.

Я счастлив, что не сказка я,
А просто быть земная:
Что я здесь первая звезда —
Частица вашего труда!

О тайнах неба я впервой
С землею говорю.

Ваш труд я возьму с лихвой —
Пусть я потом сгорю!»

Удивительно, что почти через двадцать лет, в одной из статей-воспоминаний об академике Сергее Павловиче Королеве (статья Н. Васильевой в журнале «В мире книг» № 6, 1976 год), говорилось:

«...Королев не замыкался в тех или иных рамках, как бы широки они ни были. Его научная деятельность прочно стояла на реальной научной основе, он умел мгновенно схватывать реальное в фантастическом, вымышленном...

Неслучайно он вырезал из газеты и хранил стихотворение Юрия Коринца, посвященное запуску первого спутника, подчеркнув в нем строки:

Ваш труд я возьму с лихвой —
Пусть я потом сгорю!

Это было кредо Королева, кредо реального фантаста, человека с головой ученого, душой поэта и руками мастера».

Несколько последующих лет у Юрия Коринца ушли на повторение того, что его так сильно привлекало и радовало в детстве: на путешествия по Северу, на охоту и рыбалку, на странствия по малым и большим рекам. В предисловии к книге стихов Юрия Коринца «Суббота в понедельник» известный прозаик Юрий Казаков, писал: «Путешествовал и я вместе с Коринцом. Мы ехали по реке Сухоне, и плывущий нам навстречу сплавной лес глухо стучался о пароход, а по берегам щелкали соловьи, и чем дальше на север, тем ночи становились бледнее и прозрачнее. Мы побывали в Великом Устюге, в Котласе, в Архангельске, добрались до Белого моря, потом до реки Онега, с Онеги поехали на Кольский полуостров, в Мурманск... Где только не побывал Коринец за эти годы! И в Карелии, на Киж-острове, и в Мезени, где реки так забиты лесом, что по ним можно ходить, как по мостовой, и на озере Валдаи, и на Оке, и в Тюмени. Если бы подсчитать, сколько километров прошел он и проехал, то ему, может, и путешественник какой-нибудь позавидовал бы. Но не в километрах, конечно, дело. А дело в тех сотнях самых разных людей, с которыми он познакомился, наговорился в своих поездках, которые много ли, мало ли, хорошо ли, плохо ли, а рассказывали ему о себе. И они потом все пришли в его стихи».

Мы уже могли убедиться, насколько прав товарищ по путешествиям Юрия Коринца писатель Юрий Казаков. Действительно, эти странствия, увиденная вновь или впервые северная природа, встречи с интересными людьми — все это пришло в его стихи. А отразились ли эти путешествия в прозе писателя?

Конечно! Те необыкновенно точные и выразительные эпизоды рыбной ловли, разделки рыбы, длинных таежных переходов — все это не могло сохраниться лишь от ярких, но все же выцветающих от времени, детских воспоминаний. Эти воспоминания ожили, заблестели свежими красками оттого, что теперь по местам детства, да и по другим местам ходил взрослый, любящий и понимающий природу человек, обладающий зорким взглядом художника. И безусловно, не только картины природы насытили прозу Юрия Коринца. Встречи с людьми разных профессий, сложных, часто необычных биографий откладывались не только в памяти писателя, они приводили его к стремлению дать накопленному материалу выход к читателю. И не только

в стихах, но и в жанре, где существует большая возможность выразить разноголосицу мира, сложность прошедшего, а главное — как казалось поэту Юрию Коринцу — вступить в более непосредственный контакт со своим читателем.

Юрий Коринец не только любил стихи Корнея Ивановича Чуковского, но и помнил его «Заповеди для детских поэтов». «Наши стихотворения должны быть графичны, — писал Корней Чуковский, — то есть в каждой строфе, а порою в каждом двустишии должен быть материал для художника, ибо мышлению младших детей свойственна абсолютная образность. Те стихи, с которыми художнику нечего делать, совершенно непригодны для детей. Пишущий для них должен, так сказать, мыслить рисунками». Художник Юрий Коринец не просто был «теоретически» согласен с авторитетом Корнея Чуковского, он эти «заповеди» исповедовал изначально. И нет у него почти ни одного стихотворения, которое не давало бы материал для художника, которое нельзя бы было выразить графически.

Но есть в чувствах, настроении, даже образах такое, что графически выразить трудно или же просто невозможно. Сделать это можно только словом. Значит, для детского читателя это можно сделать только прозой. Так поэт, уже завоевавший признание, все больше приходил к мысли начать писать прозу.

Медленно, неторопливо писал свою первую повесть Юрий Коринец. Как было бы, наверное, просто, если бы он писал воспоминания: описывал свое детство так, как оно отпечаталось в воспоминаниях, к которым так часто возвращался за свою жизнь. Но опытный поэт и начинающий прозаик ставил перед собой совсем другую задачу. Она была сложна, и о ней мы говорили раньше, будем говорить и дальше после рассказа о самом писателе.

В 1967 году в издательстве «Детская литература» вышло первое большое прозаическое произведение Юрия Коринца, повесть «Там, вдали, за рекой». Начиная с названия — первой строкой старой боевой комсомольской песни — и кончая последней строчкой повести она была восторженным гимном тому времени, когда происходило становление характера и убеждений автора.

Год выхода «Там, вдали, за рекой» был годом особым — годом пятидесятилетия Советской власти. Задолго до него был объявлен конкурс на лучшее произведение для детей, написанное к 50-летию Великой Октябрьской революции и 100-ле-

тию со дня рождения В. И. Ленина. Повесть Юрия Коринца получила первую премию на этом конкурсе. О том, как ее принял детский читатель, можно судить по тому, что уже на следующий год она была переведена и издана в Грузии, Молдавии, Латвии...

В 1968 году издательство «Детская литература» выпустила не просто новое издание «Там, вдали, за рекой», а дилогию, включающую новую повесть писателя: «В белую ночь у костра». В таком виде она и начала свой путь по свету. Буквально. Ибо книга эта была не только переведена на языки братских советских республик, но и на языки множества зарубежных стран. Неудивительно, что ее печатали для детского читателя в социалистических странах. Всё новые и новые издания ее выходили также в ФРГ, Австрии, Швейцарии, Дании, Голландии, Англии, Японии...

В 1972 году в свет вышел новый роман Юрия Коринца «Привет от Вернера». В 1974 году — «Песня Гизи» — самостоятельный вариант романа для самых маленьких, в 1975 году — новая повесть «Володины братья». Как и первое прозаическое произведение писателя, эти книги вошли в основной читательский фонд советских детей, получили широкое распространение за рубежом.

Параллельно с созданием оригинальных прозаических произведений Юрий Коринец немало работал и как переводчик прозы. Он переводил с еврейского, с бурятского, украинского... Но, конечно, больше всего Юрий Коринец переводил с языка, которым он владел в такой же степени, как родным русским, — с немецкого. Он много переводил и переводит прозу: классические сказки и современные повести. И переводит с немецкого стихи. Он познакомил советского детского читателя с классическими детскими стихами «Кельнские домовые», со стихами немецких поэтов-классиков и современных поэтов: «Спящее яблоко», «Долгий день великанов».

В одной сердитой рецензии, напечатанной в западногерманской газете, автор обронил слова «феномен Коринца»... Он не в состоянии был понять причины того, почему книги советского писателя, не только не избегающего политики, но и всячески подчеркивающего свои коммунистические идеалы, получили столь широкое распространение в «свободных», капиталистических странах. Действительно, не может не вызвать удивление успех книг советского писателя Юрия Коринца у детей-

читателей в капиталистических странах Запада. Мы говорим «детей-читателей», ибо то, что книги Коринца столь широко издаются в капиталистических странах, меньше всего можно объяснить симпатиями издателей к идеям, заложенным в «Там, вдаль, за рекой», или «Привет от Вернера». Издателей прежде всего интересует прибыль. И они издают и переиздают эти книги, потому что их раскупают, потому что они полюбились маленькому читателю в ФРГ, Англии, Италии, Голландии, Дании...

В капиталистических странах имеется немало вдумчивых педагогов, исследователей проблем детского чтения, которые старались понять и объяснить успех книг советского писателя. Ведь книги Юрия Коринца не только широко издавались, но и неоднократно получали высокие международные премии за лучшие детские книги.

Далеко не все разделяли злобную оценку, которую, например, дал повести «Там, вдаль, за рекой» рецензент Комиссии по юношеской литературе при Федеративном министерстве просвещения Австрии. Этот рецензент писал: «Эта книга... рисует в сущности одно: превращение юного гимназиста в ведущего революционера. А все другое — добрые поучения и жизненные мудрости, старинные истории, упоминания о кресте, приключения людей и зверей — все это лишь пестрая упаковка коммунистических идей».

Но и те, которые отнюдь не разделяли коммунистических идей, а скорее были их убежденными противниками, старались объективно понять, в чем же состоит притягательная сила книг Юрия Коринца. Такая, например, газета, как гамбургская «Ди Цайт», писала о героях «повестей о дяде»: «...это бескрайняя прекрасная природа со всеми своими связями с человеком; это мужское общество, где каждый действительно зависит от другого не на жизнь, а на смерть; эти занятия, которыми не просто «убивают время», а в которых заключен смысл жизни... роман Коринца дарит нам столь цельный, столь совершенный мир, остающийся навсегда таким же естественным и реальным, как то самое время, когда он был создан».

Большинство западных рецензентов, подчеркивая литературные достоинства книг Юрия Коринца, делало упор на их художественном достоинстве, на картинах природы, на пронизательности и точности в изображении характеров, на свободной и динамической манере письма. Однако и они — как это

было, например, сказано в одной английской рецензии вы нуждены были признать: «Английского читателя можно извинить за то, что он считает иногда скучной или неудобоваримой политическую подкладку русских детских книг. В книге Коринца, однако, политика является неотъемлемой частью философии личности... преемственность времени, стремлений и чувств — и есть, в конечном счете, наиболее русская и наиболее ценная тема книги».

Успех книг Юрия Коринца и других советских детских писателей — Николая Дубова, Анатолия Алексина, Альберта Лиханова, Юрия Коваля — на западно-капиталистическом книжном рынке анализировал западногерманский педагог и критик, директор Международной детской библиотеки ЮНЕСКО в Мюнхене, Вальтер Шерф. В 1977 году, выступая в Таллине на обсуждении проблем эстонской детской литературы, он с горечью констатировал: «Западные развитые страны создали очень большой книжный рынок. Детская и юношеская литература — это товар, такой же товар, как любой товар потребления, производство которого направлено постоянное увеличение этого товара, так же как и любая отрасль промышленности. Что теперь нового в литературе? Детские книги пока зывают юным слушателям разрушение нашего мира. Детские книги говорят о том, что многое навсегда пропадает из нашей жизни и завтра в этом новом мире уже нельзя будет преодолеть последствий».

И дальше Вальтер Шерф говорил: «Советские авторы, молодые авторы, евангелие которых — вера в самосознание, самовоспитание, — они вдруг стали на капиталистическом Западе фаворитами первого ранга... Новое и очень важное открытие на книжном рынке следующее: человек не станет человеком, если он будет один. Сейчас наши западные авторы разрушают табу, ищут виновных и таким образом питают среду недовольства, глубочайшего разочарования и депрессивную бессмысленность существования. В то время как большим успехом на Западе пользуются книги молодых советских авторов. Потому что... эти авторы требовательны к себе и своим героям, учат читателя постоянно, неутомимо работать над собой, делать из себя человека».

Творчество Юрия Коринца, его стихи и проза, сразу же обратило на себя внимание критики. Советские критики отмечали редкое умение писателя рассказывать маленькому читателю

лю о самых серьезных вопросах жизни взрослых и детей. Они подчеркивали простоту и естественность, с которой Юрий Коринец вел диалог с читателем — ребенком, высокий идейный пафос его книг, рост — от книги к книге — писательского мастерства.

Один из наиболее внимательных исследователей творчества Юрия Коринца, критик и литературовед Игорь Мотяшов, писал о развивающемся таланте Юрия Коринца: «Писатель, не равнодушный к человеческой боли и человеческой радости, писатель сурово и требовательно относящийся к собственному труду — такой писатель, если у него, конечно, есть литературный талант, не может не стать мастером, и творения его не могут оставить равнодушным читателя».

Не оставляла своим вниманием книги Юрия Коринца и зарубежная буржуазная критика. И, конечно, здесь не могла иметь место однозначная оценка произведений советского детского писателя.

Прописи и жизнь



чень пристрастному, вернее, придирчивому критику не представило бы большого труда набрать доказательства, что книги Юрия Коринца представляют собрание того, что называется «жизненными прописями». Герои книг писателя, или сам писатель, сообщают такие сведения, от которых веет прописной дидактикой.

«Надо много работать, потому что найти себя можно только в труде. Надо очень много работать, много думать. Надо размышлять. Без труда и размышления ничего не выйдет. Это закон для каждой области труда» («Там, вдали, за рекой»).

«Если вам что-либо не удастся, унывать не стоит. От этого будет только хуже» («Привет от Вернера»).

«Природа ведь никогда не унывает, посмотрите вокруг: зима ли, весна ли, осень — природа всегда деятельна» («Володины братья»).

Нам уже приходилось говорить, что книги Юрия Коринца содержат чуть ли не целый толковый словарь. Удивительно все же не то, что книги эти дидактичны и в них объясняются детям вещи неизвестные. Удивительным представляется то, что читать эти «прописи» и «сведения» — крайне интересно. Иногда даже захватывающе! И не только маленькому читателю, но и взрослому, который очень хорошо знает, что значит «сидеть как на иголках» и «смотреть сквозь пальцы». Все дело в том, как эти «прописи» соотносятся с той деятельной и реальной жизнью, которой живут герои книг.

Эта жизнь всегда привязана ко времени. Юра из романа «Привет от Вернера» и Володя из повести «Володины братья» — почти ровесники. Но, несмотря на то, что первый живет в столице, а второй в тайге, жизненные впечатления каждого из них прочно связаны со временем и всеми реалиями времени. Маленький Юра еще любит нечастыми в двадцатых годах автомобилями, для Володи нет ничего удивительного в том, что лошадь из одной деревни в другую перевозят на вертолете. Для столичного мальчика двадцатых годов первый увиденный им детекторный приемник — чудо. Для таежного мальчика семидесятых — радиоприемник столь же обыденная и необходимая вещь в доме, как лампа, как печка...

Историзм присущ всем без исключения книгам Юрия Коринца. Даже в «Володиных братьях» — повести, где действие происходит в наше время в тайге, — и в этой книге присутствует история: в воспоминаниях о коллективизации, об отечественной войне... В «Там, вдали, за рекой» гражданская война в Испании, куда уезжает сражаться с фашистами дядя героя книги, является важным сюжетным стержнем. В романе «Привет от Вернера» детально и точно описываются конкретные события и совершенно реальные исторические деятели.

И можно поразиться, с какой точностью описан, например, Первый Всесоюзный слет пионеров. Герою автобиографического романа было тогда всего шесть лет, и он был не участником слета, а только зрителем его. Автор этих строк в те дни был одним из работников Центрального штаба слета и хорошо помнит все, что происходило в Москве в августовские дни 1929 года. И нельзя не поразиться тому, что Юрий Коринец вспомнил такие детали, которые стали забываться нами — людьми старшего поколения... Благодаря знакомству Юриных родителей со старой большевичкой Брониславой Генриховной Мархлевской, он попадает в Кремль и его приводят на заседание Всесоюзной пионерской конференции. Юрий Коринец описывает зал заседания — и он встает в нашей памяти: с огромными витыми колоннами, с гигантскими золотыми люстрами... В романе рассказывается о том, как на конференции выступает с докладом о первой пятилетке Глеб Максимилианович Кржижановский, приводятся первые слова, с которыми он обратился к делегатам конференции. Я был на этом заседании, но, только читая «Привет от Вернера», с необыкновенной отчетливостью вспомнил все, что там происходило. Какой

же впечатлительностью должен был обладать маленький шести летний Юра, чтобы, став взрослым человеком, за плечами которого столько прожито, вспомнить это все, именно вспомнить, потому что все эти детали напряженной недели слета невозможно узнать из старых газет, из отчетов — это обязательно надо было увидеть собственными глазами и запомнить.

Чувство истории, мне кажется, особенно близко Юрию Коринцу, оно составляет не фон его книг, а глубинную особенность. Осмысливая свое прошлое, вглядываясь в детство своего героя, он обязательно должен увидеть ориентир воспоминаний — точные исторические реалии. В романе «Привет от Вернера» есть глава, которая называется «Знакомые камни» Это рассказ о том, что у человека всегда должны быть в воспоминаниях какие-то опорные точки, должны быть ориентиры — «знакомые камни». И автор романа рассказывает:

«И вот проходит какое-то время, много-много лет, и ты уже не кудрявый мальчик, а взрослый седой человек, и идешь ты где-нибудь по улице или, лучше, в поле у реки... Идешь ты в поле у реки и думаешь о чем-нибудь сегодняшнем, что занимает тебя в этот самый момент. А о прошлом совсем не думаешь. И вдруг ты видишь в траве большой синий камень. И ты почему-то останавливаешься. Смотришь на этот камень и с удивлением чувствуешь, что он тебе знаком. Что это близкий тебе камень. Свидетель чего-то давнего-давнего, очень близкого тебе в прошлом. Ты понимаешь, что этот камень — памятник твоих воспоминаний. Вот что это такое — знакомый камень!»

Для автора «Привет от Вернера» «знакомые камни» — это не только городской, сельский или таежный пейзаж, которые он описывает зорким глазом живописца или графика. Это прежде всего люди и события. Именно они служат писателю больше всего ориентиром. Ибо главным для него являются не события, а духовная жизнь своего героя в связи с этими событиями. Рассказывает ли он о встрече с Надеждой Константиновной Крупской в Кремле или же о знакомстве с немецким коммунистом-подпольщиком, лирический герой романа «Привет от Вернера» старается передать читателю свои ощущения от этих встреч, духовную работу, которая в нем, в этой связи, происходит.

Конечно, наиболее ярким образцом такого историко-философского мышления является роман «Привет от Вернера». Может показаться несколько задиристым то, что свою книгу

«для младшего и среднего возраста» (как обозначено на титуле книги) писатель назвал романом. Но мы очень скоро убеждаемся, что в этом определении нет никакой надуманности. Писатель действительно **выбрал** романную форму и не традиционно-диккенсовскую, а совершенно современную, какая свойственна романному жанру именно в наше время.

В романе изображена жизнь детей. В центре внимания автора — отношения Юры со своими товарищами по квартире и дому. Эти отношения носят характер, свойственный этому возрасту. Дети дружат с одними и не дружат с другими, они ссорятся, мирятся, обсуждают свои проблемы, которых у них вполне достаточно. Но эта жизнь детей глубоко социальна, ибо она неразрывно связана с миром взрослых, с их «взрослыми» проблемами, с отношениями взрослых между собой. Маленький Ляпкин, которого Юра то жалеет — его бьет отец, — то презирает, не существует в отрыве от своего антипатичного отца. И если недавно поротый своим отцом мальчик все же победительно говорит своим товарищам: «А мой папа может ваших в тюрьму посадить», то его детские, наивные слова отражают отношения и шкалу моральных ценностей, которая существует в мире взрослых.

Слова и дела взрослых властно вламываются в мир детей. Это происходит всегда, во всех без исключения произведениях Юрия Коринца. Но особенно четко это выявлено в его романе, в трагической истории с самоубийством одного из жильцов квартиры: немолодого, душевного человека, которого дети за его внешность прозвали «Усами». Бывший царский офицер, а ныне вполне лояльный и честный советский служащий, он кончает самоубийством, потому что несправедливо обвинен в саботаже и не может доказать свою невиновность. Автор «Привет от Вернера» пишет:

«Вся эта история произвела на меня в детстве чрезвычайно сильное впечатление, тем более, что я видел, как это волновало взрослых. Хотя я в ней толком ничего понять не мог. Трагический выстрел остался смутным и непонятным. Да это, в сущности, и не важно, что он непонятный. Важно, что это оставило в моем детстве неизгладимый след. Для того я это и описал, чтобы показать, как в детстве все неясное и вместе с тем страшное — из другого, взрослого мира — задевает детей даже в счастливом детстве, не говоря уже о несчастливом. Ведь мое-то детство было счастливое! И все-таки в него уже

вламывался своими непонятными трагедиями большой взрослый мир...»

Детству свойственна однозначность оценок. И ребенку трудно понять, что в жизни существуют еще и компромиссы. Об этой особенности детской психологии писал Борис Житков — один из самых пронизательных детских писателей. В статье «Что нужно взрослым от детской книги», он утверждал: «Дух взрослого тяжел, потому что он загружен, завален до неповоротливости, обгорожен «исключениями». Он запуган стопорами, заборами, запуган синяками, что набил на прямом пути мысли. У детей нет этих синяков, они все решают прямо и до конца. У взрослого вместо этой прямой и твердой схемы все «более или менее» и «в известной мере». Если взрослый говорит: «никогда не ври», то для ребенка «никогда» — это вечное и во всяком случае и, уж конечно, в тех, когда больше всего хочется и нужнее всего соврать. Для взрослого это: «Ну, конечно, не до идиотизма! Бывают, знаете, такие случаи...» — для ребенка вся торжественная яркость этой абсолютности слова «никогда» сразу тухнет, и слово это уже расплевано, растоптано до тоски и обиды».

В произведениях Юрия Коринца о детстве не ощущается драматизм исчезновения абсолютности оценок. Не потому, что Миша или Юра лишены этих свойств, а потому что в их рассказах о своем детстве все время находится рядом взрослый писатель. Он не оставляет своего героя ни на минуту! Он постоянно комментирует поступки своего двойника, когда тот был маленьким; он — вместе с ним — обсуждает правомерность тех явлений, которые вызывают непонимание или разочарование в душе ребенка. Только не следует из этого делать вывод, что этот авторский «комментарий» идет параллельно монологу лирического героя. Нет, голоса ребенка и взрослого автора книги переплетены, они то сходятся, то расходятся, мы не всегда способны стличить, где кончаются мысли ребенка и где начинаются мысли писателя... И — наоборот.

Но именно потому, что книги Юрия Коринца — не прописи, а реальная жизнь, в них нет однозначности оценок. Ибо этой однозначности нет и в жизни. А кроме того, писатель совершенно не желает заниматься подсказкой. Он хочет, чтобы его читатель вместе с ним и маленьким героем его книг мог пережить то непонятное еще, что вызывало у Юры тяжесть педоумения, а не то и чувство сердечной обиды. В этом смысле стоит

вспомнить историю двух персонажей романа «Привет от Вернера».

Собственно, первый «персонаж» состоит из двух людей. Это дворник Ахмет и его жена Фатима. Они настоящие большие друзья маленького Юры и его товарищей. Фатима и Ахмет добры, привязчивы к детям и животным. Когда в Москве был Всесоюзный слет пионеров (а делегаты слета жили не в общежитиях, а были гостями трудящихся города), Фатима и Ахмет взяли к себе двух пионеров из Узбекистана, заботились о них с любовью и нежностью. И отправили домой, одарив подарками. Все в этих людях привлекательно. Только есть у них одна, странная для маленького Юры, страсть к вещам, к «барахлу», как он говорит.

«Фатима любит вещи, разнос барахло — платки, плюшевые зипуны, коверкот, яркие цветастые отрезы на платье, разные кальсоны и рубашки. И Ахмет тоже любит вещи... Фатима и Ахмет все свободное время проводят на базаре. Подметут двор — и идут на базар. По очереди. Если их нет дома, их всегда можно найти на базаре».

Хорошо это или плохо? Сам Юра воспитан в полном пренебрежении к тому, что называется «материальными благами». Конечно, ему было бы чрезвычайно приятно иметь огромный полевой — нет, лучше морской! — бинокль... Неплохо бы, чтобы в твоём распоряжении всегда была двенадцатизарядная винтовка «ремингтон», как у героя любимой приключенческой книги своего старшего товарища. Но отрезы, коверкоты, плюшевые зипуны!.. Базары! Юра все это любить не может. Но ведь Фатима и Ахмет такие хорошие люди и друзья, он их так любит... И Юра старается пайти какое-то оправдание для них. Он даже находит их в словах взрослых:

«У каждого ведь есть своя любовь, говорит мама, своя страсть: У Иосифа и Воровского — революция, у Вовки — рисование и выпиливание из дерева, у мамы — печатанье на машинке, у Зусмана — портновское дело, а у Фатимы с Ахметом — вещи». Мало того, Юра убеждает своего собеседника — читателя: «И вот что интересно: вещи их тоже любят, Фатиму и Ахмета. Это мне сама Фатима говорила. Вещи к ним идут, сами идут, вот что интересно! Вот вы, например, пойдете на барахолку и будете там весь день в толпе бродить, среди разных вещей, а вещи к вам не пойдут. И в результате вы купите какую-нибудь чепуху, дешевку. А Фатиму с Ахметом вещи

любят, отвечают им любовью на любовь. К каждому приходит то, что он любит...»

Какая неуверенная защита... Ссылки на взрослых, взятое у Фатимы и Ахмета объяснение о том, что «к каждому приходит то, что он любит».

Куда же девался обычный максимализм маленького Юры? Его пренебрежение к стяжателям, приобретателям... И почему в этом случае нет, как всегда, рядом с маленьким Юрой взрослого Юрия? Писателя Юрия Иосифовича Коринца. Но писатель молчит. И молчит он, конечно, не оттого, что у него нет слов, чтобы объяснить непонятное ребенку противоречие между привлекательным обликом друзей Юры и малопривлекательной их любовью к приобретательству вещей. Надо, считает он, дать возможность герою книги и его читателю самостоятельно осмыслить это противоречие, надо, чтобы он, наподобие того «взрослого» из статьи Бориса Житкова, сам набил себе синяки, размышляя о непонятном ему противоречии в облике своих друзей.

Намного драматичнее история с другим близким другом маленького Юры — Ваней. Ваня — продавец яблок. Не в магазине и не на базаре даже, а уличный продавец, были такие в Москве в годы нэпа. Ваня этот — веселый, хороший, с ним хорошо не только маленькому Юре, но и его родителям. И когда нужно было уехать летом из города, Юрины родители не сняли дачу, а поехали в деревню и жили в доме Вани. Веселого — «на все сто своего!» — Вани. И жизнь в деревне с Ваней была прекрасной! Он возил детей на телеге в луга, вместе с ними сгребал душистое сено, он участвовал вместе с Юрой и немецкой девочкой Гизи в счастливой деревенской жизни, от которого у Юры навсегда осталось ощущение счастья и полноты в сердце.

Правда, в деревне новые Юрины друзья — деревенские мальчишки — называли родителей Вани кулаками. Потому что у них было три коровы, лошадь и два дома. До коллективизации и раскулачивания еще время не дошло, наличие трех коров и лошади не представлялось преступлением ни Юриным родителям, ни, тем более, самому Юре. Но что же произошло дальше?

Последняя глава романа «Привет от Вернера» называется «Эпилог, или Взгляд в сегодняшний день». В этом эпилоге рассказывается о судьбе героев повествования. И там автор

говорит, что его деревенский бог — Ваня, любимый друг, лоточник с Кузнецкого моста — давным-давно исчез из его жизни. Правда, много лет спустя он еще один раз встретился с Ваней. Это было в летнем театре, куда они с отцом пошли посмотреть какую-то оперетту.

«Мы сидели с отцом в средних рядах у прохода и в антракте вдруг увидели, что по проходу прямо на нас идет Ваня! Мы его сразу узнали, но какой он стал важный! Это был уже не деревенский парень, светлый и неотесанный, хотя совсем неотесанным его никогда нельзя было назвать. Прямо на нас шел московский молодой франт в черном костюме с бабочкой на белом воротнике под подбородком, как когда-то носил мой отец. Голову с завитыми волосами Ваня нес подчеркнуто высоко, он шел размеренной красивой походкой, и его взгляд самоуверенно скользил по лицам... Отец очень обрадовался ему, вскочил, крикнул: «Здравствуйте, Ваня!» Ваня остановился и жеманно поздоровался с нами. Мне показалось, что он не рад. И оттого, что он так блестяще одет, намного лучше, чем мы (мы вообще в то время жили неважно), и оттого, что он был так надменен, я совсем смешался и молчал. Ваня скупко сказал, что учится в университете. Может быть, он был так натянут оттого, что мы его назвали «Ваней»? Может, ему было неприятно, что мы знали его деревенским парнем, знали, что его родителей в деревне называли кулаками. Может, он боялся этого, кто его знает! Но он был сух, и радость отца тоже сразу потухла. Ваня быстро попрощался и пошел дальше, высоко неся по проходу свою завитую голову... Больше я его так и не видел».

Наверное, эта короткая и сдержанная справка о судьбе человека, которого любил маленький Юра, — одна из драматичных в романе. Ничего нет удивительного в том, что маленький Ляпкин впоследствии — как он весело сообщил сам — всю войну отсиживался в Куйбышеве, в каком-то штабе ПВО. И нет ничего удивительного в судьбе Гизи — дочери погибшего немецкого коммуниста Вернера. Эта девочка, выросшая в Советском Союзе, была детской, а может быть, и недетской любовью героя романа. Ей посвящены замечательные страницы воспоминаний маленького и большого Юры... А потом — как это и бывает в жизни — они расстались, долго не виделись и встретились полувзрослыми в недобрые дни начала войны. Был грустен Юра, и была очень грустна Гизи. «Ведь она была немкой!

Невесело было быть немцем в те годы». Но судьба Гизи, при всем ее трагизме, не вызывает у автора воспоминаний чувства неразрешимого горя. Потому что эта судьба была славной, героической, такой, какой она должна была быть. Гизи оканчивает разведывательную школу в Красной Армии, ее забрасывают в тыл к фашистам, она пробирается в гестапо, становится переводчицей, сообщая нашему командованию самые ценные сведения. Нелепый случай вызывает ее провал, и она героически погибает, не сказав ни слова под страшными пытками...

В рассказе о гибели Гизи есть не горе и недоумение, а гордость за человека, который и должен был так жить... А вот история Вани звучит в эпилоге драматичнее, потому что — изменился человек! И, как в случае с Фатимой и Ахметом, автор не хочет подсказывать читателю своих оценок, своих чувств: недоумения, в котором заложена большая грусть.

«Привет от Вернера» — история маленького коммуниста, как себя с гордостью называл Юра. Маленьким коммунистом можно стать, живя в деревне или Москве, — в романе это объясняется тем рассудочным, полным достоинства знания, голосом, каким часто говорит с читателем герой книги. Но, хотелось или не хотелось маленькому Юре, это еще и глубоко поэтическая книга о первой детской любви.

Ах эта детская любовь! Она присутствует почти в каждой книге о детстве. И было бы странно и даже противоестественно, если бы в такой искренней книге, как «Привет от Вернера», она бы отсутствовала. И о ней стоит поразмышлять. Вернее, о том, как передаются в книге чувства ребенка, от того странного, неопределенного, что так же невозможно назвать взрослым словом «любовь», как и неточно звучащим определением «дружба»... Об этом, прежде неизвестном Юре чувстве, рассказывается в монологе Юры:

«Ну, так и быть, я вам скажу, в чем дело — по секрету скажу! Теперь-то можно сказать, после стольких лет, да и то под секретом, а тогда этого нельзя было сказать даже под секретом. Дело в том, что Гизи мне н р а в и т с я... ну вот, вот я вам и сказал. Ну, так что же? — скажете вы... Потому что, если бы она мне не нравилась, было бы куда легче! Тогда бы я ее не стеснялся. Вот Ляпкин Маленький мне совсем не нравится, но я его и не стесняюсь. А Гизи я стесняюсь. Именно потому, что она мне нравится. Когда я вижу Гизи, я сразу становлюсь неловким. Мне тогда все мешает, даже мои собственные руки!

И ноги мне мешают, и голова! Я сам себе мешаю. А она мне не мешает. Нисколючко! Даже наоборот: мне хочется с ней играть, но я не знаю, как начать. Я ничего не имею против, что она будет рядом — пожалуйста! Пусть будет рядом, всю жизнь! Не в этом дело. Все дело в том, как быть рядом с ней мне! Вот что сложно!»

В этом, таком естественном, таком захлебывающемся детском монологе отчетливо предстает та самая проблема, которая потом, в более сложном и трансформированном виде, предстанет перед взрослым, сформировавшимся человеком. При всем том, что маленький Юра — человек очень идейный, целенаправленный, занятый чрезвычайно серьезными делами и размышлениями, девочка Гизи занимает в его мыслях огромное место, такое, о котором, конечно, не догадывается ни мама, ни папа, ни тем более сама Гизи. Во всяком случае, Юра уже перешел через тот этап, когда мальчик считает, что девочки — это такие же существа, как и он, только иначе одетые... Теперь Юра понимает: «Девочки — это совсем особый мир, я уже это вам доказывал, и надо с этим миром общаться. У девочек можно многому научиться. Аккуратности, например. И еще многому, о чем вы даже не подозреваете».

Мальчик не подозревает того, что его сверстник — читатель книги «Привет от Вернера» — поймет, что немецкая девочка Гизи не только пройдет через всю книгу о Юрином детстве, но и станет ее стержнем. О ней будет рассказываться в смешной главе, где говорится, как хитро и дипломатично Юра научил Гизи пить рыбий жир... О ней будет рассказываться в истории о том, как Юра сочинил стихи о плохой погоде и о доме, который он построит:

А в комнате будет
Тепло и чисто.
Этот дом
Я построю для Гизи.

И Гизи будет виновницей страшной истории, когда Юра взял у соседа, портного Зусмана, большой отрез материи и отрезал от него кусок, чтобы подарить Гизи...

И Гизи станет центром самых поэтических глав романа, описывающих жизнь детей в деревне, в соприкосновении их — городских несмышленишей, которые и деревья видели растущими из железной клетки — с настоящей природой: лесом,

лугом, цветами, лиловым туманом, речкой, где можно ловить раков, птицами и бабочками... И случается так, что в Берлине, куда Юра приедет, потому что там будет работать его отец, он подружится с немецким коммунистом Вернером — отцом Гизи. И станет свидетелем убийства Вернера фашистами на первомайской демонстрации... И, приехав в Москву, передаст Гизи заводного механического цыпленка — посмертный подарок ее отца... А потом Гизи уйдет из Юриного детства, и он в последний раз с нею встретится уже взрослым; встретится перед тем, как Гизи уйдет совсем из жизни, чтобы навсегда остаться ТАМ, ЗА РЕКОЙ...

Драматическую историю детской любви маленького Юры из романа «Привет от Вернера» нельзя приписать никакому другому мальчику, кроме героя романа: горожанину, жильцу коммунальной квартиры двадцатых годов, сыну профессионального революционера. В повести «Володины братья» герой ее — одиннадцатилетний Володя — тоже влюблен в одну девочку. Но как раз по Юрой думает об этом тот, другой мальчик:

«В низовьях Илыча живут, конечно, еще мальчики. Ну, и девочки, конечно, тоже. Например, Алевтина. Когда-нибудь Володя возьмет ее себе в жены. Алевтина красивая. Волосы у нее белые и кожа белая. А веснушки на коже яркие, желто-розовые. Голова Алевтины похожа на кукушкино яйцо в соломе. Сама она молчаливая, серьезная, как и Володя. А иногда вдруг расхохочется ни с того ни с сего. В такие минуты Володя ее особенно любит. Жена должна быть веселой, это Володя знает. «Хорошо тому живется, у кого жена веселая», — так дед Мартемьян говорит. Он все знает, не только про женщин, а вообще».

Какие это рациональные, прямо-таки деловые рассуждения по сравнению с неопределенным томлением Юры! Но мы понимаем, что разное отношение двух ребят к этой проблеме вызвано совсем не тем, что Юра — интеллигентный мальчик, а Володя — деревенский. Мы, читая «Володины братья», сумеем убедиться, что ее герой обладает и острым умом, и способностью к сильным эмоциям и тонким переживаниям. Просто это — разные дети. И, очевидно, одно из главных писательских свойств Юрия Коринца состоит в том, что у него ни в одной из книг нет искусственно сконструированных характеров. Миша, Юра, Володя — они все совершенно разные, хотя в каждом из них имеется — в одном больше, в другом меньше — кусок детства их автора. А разные они потому, что эти герои живут

в реальном мире. Все происходящее с ними и все происходящее с людьми вокруг — невозможно выдумать.

Но в произведениях Юрия Коринца реальная жизнь никогда не предстает только в ребячьих радостях, в неистовом сладостном барахтанье во всем, что познаешь впервые и что дает чувство счастья. Оттого, что дети в книгах писателя никогда не бывают «сами по себе», а составляют неотъемлемую часть общего мира, на них обрушиваются и все беды его. Как ни мечтают, как ни стараются взрослые уберечь детство своих детей от горя, от разочарований — все равно: жизнь наступает со всем, что в ней есть.

Нет, в этом «прекрасном и яростном мире» — как говорил писатель Андрей Платонов — детям не отведены только одни сладости жизни. Но все же сильнее всего в них — никогда не преходящая радость от познания жизни, восприятие ее как праздник. В повести «Володины братья» есть внутренний монолог мальчишки, который идет по тайге к своему любимому деду:

«Шел Володя и думал, как пойдут они с дедушкой сено ворошить и семгу из сетей вынимать... И как они с дедушкой по ягоду пойдут — по клюкву на болота и по грибы на вырубки, яркие чащи,— думал о всех этих простых человеческих радостях, даже не думая о том, что это простые и великие радости, которые не каждому в этом мире даны. Думал о них просто потому, что любил их, жил ими».

Мальчик, так просто, так естественно ощущающий радость жизни, не знает еще, что совсем скоро, всего лишь на следующее утро, его настигнет катастрофа, что он окажется один, беззащитный, в тайге, объятой страшным лесным пожаром. И что он пройдет через все, казалось бы, невозможные испытания, чтобы прийти, доползти к людям, к деду, к жизни... Пройдет и выживет.

Дети почти всегда были предметом исследования в литературе. Я, конечно, не имею в виду сочинений знаменитых дореволюционных переводных книг типа повестей Л. Олькот — «Маленькие мужчины» и «Маленькие женщины». Речь идет о литературе настоящей. России исследование в литературе детства всегда было исследованием на тему «дети и жизнь». Появление в русской литературе «Детства», а затем последующих повестей Льва Толстого о духовном и душевном развитии ребенка было целым открытием, ибо там были нерасторжимы

дети и взрослые, дети и жизнь. И не было в русской классической литературе ни одного — большого или малого — писателя, который не писал бы или хотя бы не мечтал написать о соотношении мира детей и мира взрослых. В «Дневнике писателя» за 1876 год Ф. М. Достоевский писал: «Я давно уже поставил себе идеалом написать роман о русских теперешних детях, ну и, конечно, о теперешних их отцах, в теперешнем взаимном их соотношении... Я возьму отцов и детей по возможности из всех слоев общества и прослежу за детьми с их первого детства».

Советская литература с самого своего возникновения никогда не занималась описанием «маленьких мужчин» и «маленьких женщин». Предметом ее исследования всегда были дети и жизнь. А. Свирский, А. Неверов, Л. Сейфуллина, Н. Огнев — советские писатели первого поколения — всегда имели перед собой, как пример бескомпромиссной правды о детях и взрослых, недавно опубликованные знаменитые автобиографические повести Максима Горького о своем детстве и отрочестве.

И советская детская литература в своем развитии всегда была литературой о детях и жизни, о существовании «мира детей» и «мира взрослых» в их взаимопроникновении, в их неразрывности.

Такой была детская литература, представленная писателями старшего поколения: Л. Кассилем, В. Кавериним, Л. Пантелеевым... Такой предстает и современная литература в творчестве активно работающих прозаиков: Н. Дубова, А. Рыбакова, А. Алексина, А. Лиханова, — не одними этими, широко известными именами ограничен список наших современников, старающихся исследовать сложную, неоднозначную жизнь ребенка и подростка, духовно и душевно созревающих в «мире взрослых».

В их произведениях дети выступают как личности, не только обладающие усвоенными нравственными нормами, но и способные их яростно и бескомпромиссно защищать. Герой романа Николая Дубова «Горе одному» вступает в борьбу с несправедливостью, с подлым, потребительским отношением к людям и обществу. Острые сюжеты известных повестей Анатолия Алексина строятся на сложных взаимоотношениях подростка с семьей, с обществом. Писатель не боится доводить своих героев до прямой конфронтации с близкими, с друзьями. Ибо героями

повестей А. Алексина движет стремление к справедливости и то, что смело можно назвать идейной убежденностью.

В книгах Альберта Лиханова тяготение юного героя к нравственному совершенствованию помогает преодолевать такие тяжкие для ребенка ситуации, как сложный семейный конфликт. Об этом говорят даже самые названия повестей писателя: «Обман», «Лабиринт»...

Но во всех книгах современных детских писателей — самых разных, непохожих друг на друга, — отчетливо прослеживается мысль о преемственности поколений, о передаче новым поколениям эстафеты непоколебимых нравственных оценок.

Проза Юрия Коринца, исследуя детство в его «взаимном соотношении» с жизнью общества, следует давним и прочным традициям русской классической и советской литературы.

Неугомонный Диоген

«... Хорошие разведчики всегда неугомонны. И вообще все интересные люди всегда неугомонны. Это не значит, что они должны все время бегать по земному шару как сумасшедшие или вертеться на месте. Они могут сидеть совершенно неподвижно, как египетские изваяния, даже, если хотите, как сфинксы, и все равно быть неугомонными. Потому что если они сидят совершенно неподвижно, это еще не значит, что они мертвы, — зато они мыслят! Неугомонно мыслят!»

Маленький Миша — герой книги «Там, вдали, за рекой» — действительно все время мыслит. Неугомонно мыслит! Без всякого преувеличения можно сказать, что герои Юрия Коринца не столько действуют, сколько мыслят. Никто из читателей его книг не сможет обвинить Мишу, Юру, Володю в аморфности, рассудочности. Нет, это дети необыкновенно деятельные, жизненно активные. Но главной формой их деятельности все же является мысль: размышления о том, что происходит с ними и с окружающими.

Миша передает рассказанную ему дядей историю с Диогеном, историю о том, как пришел к знаменитому греческому философу сам наивеличайший полководец Александр Македонский, а Диоген, вместо того чтобы быть польщенным таким знакомством, спокойно сказал Александру: «Отойди, ты загораживаешь мне солнце!» Захлебываясь от восторга, от сделанного им открытия Миша говорит:

«И вот скажите мне, в результате, через много-много веков, что произошло в результате? Кого больше теперь уважают? Александра Македонского или Диогена? Оказывается, Диогена! Несмотря на то, что Диоген сидел в бочке, а Александр Македонский носился по белу свету как угорелый, завоеывая разные страны и разрушая города. Кого вы теперь назовете неугомонным? Вы, может быть, назовете неугомонным Александра Македонского? А я нет! Я назову Диогена, потому что именно он был действительно неугомонным, он был неугомонным мыслителем...»

Нормальные дети — неугомонные мыслители, они не Александры Македонские, а Диогены... Это убеждение Юрия Коринца с первого взгляда может показаться парадоксальным. И все же, я думаю, прав Юрий Коринец. Как правы были все те писатели, которых больше всего занимала духовная и душевная жизнь ребенка.

Писатель Александр Шаров, один из исследователей детства, в своей книге «Взрослые и страна детства» описывает, как его маленький сын, вместо того чтобы делать уроки, отрываясь от тетрадки и смотрит, смотрит в окно, за которым дым и закат зимнего, вечернего города. «Делай уроки! Не глазей по сторонам,— раздраженно говорю я.

Мальчик поворачивает ко мне лицо — мечтательное, просветленное. Кажется, что в зрачках его еще видно отражение дымов — сказочных, всех цветов, от серого до красного с черным, отражение изморози на стеклах. Еще виден след чего-то удивительного, не понятного никому, скользнувшего в душу человека, в самый фундамент ее, чтобы лежать там в душе, до срока, а потом прорасти кто знает чем: стихотворением, любовью, научным открытием или просто добрым поступком. Прорасти будущим».

В духовной жизни ребенка содержится самостоятельная и важнейшая ценность. Это не механическое восприятие слов и поступков окружающих взрослых людей,— это сложное восприятие окружающего, это осмысление уроков жизни в формах, специфических именно для детей и только для детей. Как пишет Александр Шаров, ребенок «смотрит и смотрит, совершенно поглощенный этим созерцанием, смотрит через свой «магический кристалл», который у взрослых достается одному на миллион, а в детстве хранится у каждого ребенка».

Духовная жизнь ребенка наполнена вопросами: «Почему»? И мы стараемся посылно ответить на эту непрерывную «почемучку». Но почему мы ограничиваем эту «почемучку» только поверхностными явлениями? Только тем, что ребенок видит вокруг себя? В своей знаменитой книге «Почемучка» Борис Житков хотел ответить на вопросы ребенка об окружающем его материальном мире. Но меньше всего он думал, что этим познанием можно ограничить запросы ребенка к жизни. Даже для взрослых, для самого себя он считал обязательным постоянный, непрерывный «большой обыск в себе»... Что же касается ребенка, то он этот «обыск» производит в себе и в окружающих постоянно. Ибо он — «неугомонный Диоген»!

Герой книг Юрия Коринца постоянно думает: почему Ахмет говорит, что есть бог, когда его нет? И почему враги убили Воровского, а он их не убил? И почему месяц рогатый, а луна круглая?.. И благо бы только такие вопросы, но у него возникают и самые глубинные, самые важные, на которые человечество ищет ответы почти с тех пор, как оно стало «существом разумным».

В романе «Привет от Вернера» маленький Юра размышляет: «Странно, правда, что меня когда-то на свете не было? А отец, мама и Воровский уже были... А сейчас я есть, а Воровского нет!.. Как будто свет — это дом, в который приходят, а потом опять куда-то уходят. Откуда приходят и куда уходят — этого я не знал...»

Маленький Юра приходит к мысли о месте, которое он занимает в мире. Он может поделиться этим открытием только с тем, кто ему близок и кто может его понять. Например, девочка Гизи. «Я ей открыл секрет: что я всегда в середине, где бы я ни был! Вот что интересно! И это не важно, где я стою — у Памятника или возле стенки — все равно я в середине! А все остальное — дома, памятники, люди, лошади, собаки, деревья — все вертится вокруг меня!

— Понимаешь? — спросил я.

И Гизи кивнула. И я ей сказал:

— А сейчас мы с тобой оба в середине!

И Гизи опять кивнула».

Открытие, которое сделал Юра, давным-давно известно педагогической науке. Ребенок видит себя в центре мироздания. Себя и еще тех, которых он очень любит. Юра говорит, что

когда однажды с мамой плыл на корабле, то они были все время в круге, который образовался от того, что горизонт все время передвигался за ними. Но как бы этот круг ни передвигался, «мы все время были в середине этого круга. А все люди, которые ехали вместе с нами на корабле, были сбоку, вокруг нас: конечно, близко к середине, но не в самой середине. В самой середине круга всегда были я и мама! Только я и мама!»

В романе «Привет от Вернера» описывается случай, довольно обычный для тех лет, когда еще существовало неизвестное нашему поколению явление «беспризорничества». Юра с родителями обедал в маленьком ресторане. И только им принесли вкусные горячие биточки, как беспризорный мальчишка, пробравшийся мимо швейцара, подскочил к столику, где сидел Юра, и схватил у него с тарелки горячий биточек...

Через много лет после этого выросший мальчик Юра пишет: «Часто я потом вспоминал этого беспризорного мальчишку. И все время его от себя гнал. Потому что мне было неприятно — от этого воспоминания становилось как-то неудобно. Но беспризорник прочно засел в моих мыслях, и сейчас, когда я пишу эту книгу, — сейчас я тоже не могу его позабыть... Особенно часто я вспоминал беспризорника, когда оставался один, потому что, когда человек остается один, к нему ближе становится другой, далекий от него мир — мир неудобный, холодный и сложный...»

Так бывает и со взрослым, писатель говорит об этом своем ощущении, уже став взрослым человеком. В детстве ребенок, оставаясь один, не испытывает страха перед неудобным и холодным миром — он его не может так воспринимать, но он остается один с вопросами, которые не решается задать никому. А если и задашь, то все равно не получишь устраивающего тебя ответа. Вспоминая это состояние, автор романа «Привет от Вернера» пишет:

«Когда-то, в детстве, я часто думал о вечности, или о бесконечности, что, в сущности, одно и то же. Я об этом часто думал, когда засыпал один в своей кроватке. Или когда сидел один в сквере возле кучи песка. Правда, рядом на лавочке сидела мама и вокруг ходили люди, но ведь это не значит, что я не был один. В самой большой толпе можно ухитриться быть одному. Если думать о своем».

Оставшись наедине с собой, маленький неугомонный Диоген размышляет о том, о чем размышляли взрослые люди за несколько тысяч лет до него: что дальше? За этим сквером, за этой улицей, лесом, полем? За небом, облаками, солнцем, луной и звездами? И когда он об этом спрашивал взрослых и те объясняли ребенку, что дальше плавают еще и другие солища, и звезды, и планеты, то это не отвечало все же на вопрос «а что же дальше?» Он приходил в еще большее недоумение:

«А потом опять начало, а после начала опять конец? И опять начало? То есть выходит, что нет никакого конца и никакого начала? Это же просто страшно! И совершенно непонятно! Но родители смеялись и говорили, что да, именно так! Нет никакого начала и никакого конца! И я всегда над этим думал и никогда не мог толком понять. Мне всегда хотелось, чтобы был какой-то конец».

Конечно, нам — читателям семидесятих годов — легко снисходительно отнестись к тому, что родители Юры не могли объяснить своему маленькому сыну космогоническую теорию, существовавшую в двадцатых годах. Может быть, более современная теория о разлетающейся и конечной Вселенной была бы более понятна маленькому Юре? Но ведь не в этом, не в педагогическом мастерстве родителей дело! А дело в том, что вопросы самые сложные, сложнее космогонических, возникают у ребенка постоянно. Даже если он находится со взрослыми в самых идеальных отношениях, он не всегда решается спросить их об этом. Хотя бы и потому, что его совсем не устраивает столь обычная система «почемучки»: вопросы и ответы. Он испытывает потребность в том, чтобы узнавать еще неизученное не в вопросах и ответах, а в игре. Именно в игре, и только в ней, ребенок скорее всего способен не только задать самый сложный вопрос, но и получить на него удовлетворяющий его ответ.

Об этом писали и говорили не только педагоги, ученые, специально изучающие проблемы детства, но и многие другие вдумчивые, понимающие значение детства люди. Великий французский физик Луи де Бройль говорил: «Задающий вопрос ребенок жаждет понять, но он любит также и играть. Не следует думать, что игра для него бесполезное занятие, ведь она приучает ребенка размышлять...»

Маленький Юра — герой романа «Привет от Вернера» — придумал себе игру, в которой он удовлетворяет все свои стремления получить ответы на вопросы, которые он почему-то не хочет задать реальным взрослым: папе, маме, их друзьям. Юре нужен такой воображаемый взрослый, с которым он будет совсем в других, особых, непохожих на обычные отношения. И он себе придумывает такого взрослого: человека очень умного, героической жизни, которому, не стесняясь, можно задать самый сокровенный вопрос. Этим «взрослым» является, правда, не живой и реальный человек, а памятник ему — памятник Воровскому у здания Наркоминдела, где живет Юра.

Если не размышлять, то любой памятник, как и любой дом, фонарь, любой предмет превращается в нечто привычное, о чем никогда не думаешь. Но маленький Юра каждый раз, глядя на Памятник, думает о нем. Сначала о человеке, который изображен, — о нем ему много говорили родители, — а потом о самом Памятнике, который в его глазах все больше и больше приобретает черты живого человека. «Он весь был неподвижен, хотя весь в движении, как будто только что говорил речь — и вдруг застыл на одно мгновение... Но мне казалось, что он вот-вот снова заговорит. У него был очень ж и в о й вид, даром, что он памятник. У него была какая-то своя памятниковская жизнь, я это видел ясно...» И постепенно вот эта, никем не увиденная, а увиденная только Юрой, памятниковская жизнь придает бронзовой статуе все черты такого человека, с которым Юре так сильно хочется познакомиться, подружиться.

Игра с Памятником начинается с того, что Юра ему пишет письмо. Ну, с точки зрения взрослых, это, конечно, не письмо, потому что оно написано так, что это может понять лишь автор письма да еще, конечно, адресат. «По-взрослому» Юра еще писать не умеет, что не мешает ему написать Памятнику письмо, в котором открывает ему тайну, которую знает лишь Памятник и он, Юра: Памятник живой и этого никто не знает. Но он, Юра, не только это знает, но и любит его и хочет с ним водиться, и он ему будет рассказывать все свои самые большие секреты. Например, что ему очень нравится девочка Гизи, но он не знает, как с ней познакомиться...

И чем дальше, тем больше втягивается Юра в эту увлекательную и удивительную игру. У него есть только ему известный и прекрасный друг — Памятник. Ему можно писать «письма» обо всем. И он ему пишет о том, что привлекает его

внимание, что ему нравится и не нравится. Он пишет ему о том, что нельзя обижать Гизи, потому что она девочка и дочь немецкого коммуниста; о том, что маленький Ляпкин ведет себя не по-товарищески... Он пишет ему и о событиях, таких трагических, как самоубийство «Уса», и о том, что умирать плохо и он, Юра, никогда не умрет. И даже стихи об этом написал:

Я никогда, никогда не умру!
Я еще никогда не воевал за революцию.
Я никогда, никогда не умру,
Потому что я волшебный!

И чем дальше, тем больше вовлекается Юра в эту, только ему известную, игру с Памятником. И это уже не просто игра. Памятник перестал молчать, он приходит к Юре, и Юра может вести с ним разговоры, он может задавать ему самые разные вопросы и получать ответы. А самое главное — он с Памятником не как ребенок со взрослым, а как друг, как равный с равным. Это не имеет значения, что Памятник пришел к Юре, когда он был болен и все вокруг считали, что Юра разговаривает с ним в жару... Памятник приходит к Юре и позже, когда он выздоровеет, он будет к нему приходить во снах и просто в видениях, которые бывают и тогда, когда не спится вовсе... Он приходил, потому что Юра, оставаясь один, думал. «И о Воровском я тоже думал. Он заменял мне теперь всех друзей. Я его все время ждал. Когда он приходил, мы разговаривали. О чем? Да обо всем! О революции. И просто о жизни. И даже об игрушках».

В разговорах Юры с Памятником не только реализуется его мечта о том, чтобы иметь такого друга, о котором знает только он и который может ответить на все вопросы. В нем, в этих разговорах для Юры проясняется много необыкновенно важного. Даже не столько для того, маленького Юры, сколько для будущего, взрослого Юрия. Таким, например, разговором является рассказ Воровского о том, как его убил в ресторане белогвардеец Конради. Он рассказывает об этом своему маленькому другу потому, что эта драма очень сильно волновала Юру.

«— Ну, а дальше? — спросил я.

— Что же дальше... дальше он встал и выстрелил... Падая, я обернулся и увидел его, белого офицеришку! К нему подско-

чили, обезоружили... Он, подлец, еще требовал, чтобы оркестр сыграл траурный марш... Потом я умер... вот и все!

— Тебе было очень больно?

— Он обточил пулю, и она разорвала мне внутренности!

Минуту мы помолчали.

— А я бы, как только увидел их в ресторане, сразу бы пошел и убил первый! — сказал я.

— Так нельзя, — улыбнулся Воровский. — Игра должна быть честной!

— Они же убили нечестно!

— На то они и подонки!»

Сны, видения, воображаемые разговоры с воображаемыми собеседниками занимают большое и важное место во всех книгах Юрия Коринца. В этих снах и воображаемых разговорах ребенок узнает не факты, он узнает, как их надо понимать, как к ним надобно относиться. Конечно, Юрий Коринец раскрывает источники того, «откуда» приходят к ребенку в этих снах и воображаемых разговорах ответы на возникающие в нем вопросы. Эти ответы приходят из реальной жизни, а не из снов.

Не меньшее место, чем в романе «Привет от Вернера», занимает узнаваемое ребенком в снах и видениях в повести «Володины братья». Конечно, они возникают не сами по себе, они теснейшим образом связаны с сюжетом повести о ребенке, который один идет через тайгу, заблудился в ней и чуть не становится жертвой лесного пожара, голода и холода.

Но так же, как разны Юра и Володя, так же совершенно различны их воображаемые собеседники и отношение к ним. Жизненный опыт Юры еще очень мал — все, что он знает, он знает только из рассказов взрослых, из их объяснений. Его воображаемый собеседник — Памятник Воровскому — ему близок, любим, представляет для него наивысший нравственный авторитет. Ему никогда не может прийти в голову, что можно искритически отнестись к тому, что говорит ему Памятник.

Володя — другой. И не только потому, что он взрослее на два-три года, нежели Юра, но и потому, что это ребенок совершенно другой среды и другого воспитания. А самое главное — он принадлежит к совершенно другому поколению.

В отличие от Юры, Володя уже сложился как личность, со своим характером, вкусами, убеждениями. Это проявляется

уже с первых страниц повести, когда он, без разрешения, решает идти через тайгу, один, к лесной избушке, где находится его любимый дед Мартемьян. В самом начале своего похода он видит сон, который для него будет иметь огромное значение.

«...Володя увидел себя в необычном окружении. Он увидел, что сидит на лугу, в окружении целого сонмища муравьев — красных, огромных, ростом с него самого». Муравьи для Володи — самые, что ни на есть привычные и безвредные насекомые. Но эти — приснившиеся — для него какие-то другие, не близкие, не домашние, что ли... Он отлично знал, что муравьи разные: есть муравьи-носильщики, есть муравьи-воины, есть у муравьев матка, поставляющая все новых и новых муравьев. Но теперь, в своем сне, он как-то особо наглядно увидел, что у муравьев существует не только разделение труда, но и иерархия: они разные по своему положению в муравьином сообществе, и есть среди них и самый главный — Главный Муравей. И если маленькие, привычные красные муравьи, так весело бегающие под ногами, — такие домашние, свои, хорошие, то муравьи в Володином сне приобретают совершенно другой облик:

«Черно-красный, блестящий, усеянный жесткими волосами, он был похож на какую-то страшную куклу — робота! Весь он был скреплен из больших и малых частей, которые двигались, покачиваясь как на шарнирах».

Этот муравей перестает быть созданием природы — он скорее похож на продукцию какой-то неведомой техники. Недаром в описании его Володей мы читаем про шарниры, детали, словно выточенные на токарном станке, лампочки вместо глаз, светящиеся — как это потом скажет Володя — каким-то электронным блеском... И стал этот муравей схож не с живым существом, а с роботом! Прекрасно сделанным, высокотехничным существом. Но — неживым.

«Володя вдруг увидел рядом с Муравьем самого себя: невысокого, щуплого, курносого, с выгоревшими от солнца волосами, голубыми большими глазами, с черными длинными ресницами, с двумя коричневыми родинками на левой щеке, возле пухлых губ...»

Главный Муравей — вовсе не злобное техническое чудовище. Напротив! Он очень умный, справедливый, и Володя не может не соглашаться со всем, о чем он говорит. Главный Муравей хвалит Володю за то, что он деловой, скромный, акку-

ратный, хорошо учится в школе, любит своего деда Мартемьяна, умеет плавать на моторке, идет один через тайгу, идет без компаса — так, по памяти... Он объявляет подчиненным ему муравьям, что Володя хороший человек и муравьи ему должны всячески помогать.

Но Главный Муравей — очень правильный Муравей! Он не только хвалит Володю за все хорошее, он и объявляет ему, что он — не совсем «примерная личность». Потому что, не спросясь, один пошел в гости к дедушке.

Все речи Главного Муравья неоспоримо правильны, он говорит привычно правильным языком, употребляя слова, которые часто слышит Володя: «примерная личность», «сферы влияния»... «Как по радио говорит», — думает Володя, слушая своего собеседника. Но при всей правильности того, что говорит Главный Муравей, есть в нем что-то отстраненное, нечеловеческое, чуждое этому щуплому, невысокому, курносому парнишке с выгоревшими волосами...

Сразу после прощания с Главным Муравьем Володя, соглашаясь со всем, что он говорит, ощущает в его правильности что-то неправильное, чего не принимает его душа...

Сюжет повести «Володины братья» предельно прост. Володя один, без спроса, не предупредив никого, пошел через тайгу к деду Мартемьяну, пошел без карты, без компаса, пошел по памяти. И заблудился.

На протяжении почти всей повести Володя — один. За все время своих странствий он только один раз встретит человека — своего врага, злого взрослого человека, который злодейски оставит мальчика на верную, мучительную гибель... Все остальное время Володя будет один. Один ли? Вся повесть наполнена людьми. Дедом Мартемьяном, Алевтиной, братом Иваном. Она будет наполнена воспоминаниями о прошлом, надеждами на будущее, размышлениями о школе, товарищах, она будет наполнена размышлениями. Ибо главное в этой повести — то, что думает Володя.

А думает он постоянно. «А солнце двигалось к югу и в то же время вместе с Володей вверх по реке — потому что у солнца такие волшебные шаги. Оно может идти с тобой и одновременно навстречу тебе или в сторону. Володя часто над этим думал — как интересно ходят по небу солнце, луна и звезды. И сейчас об этом подумал. Володины мысли тоже не стояли на месте, а шли вместе с ним. Иногда они шли рядом, прыгая по

тропе, по камням и деревьям, по реке, в брызгах пены, а иногда Володины мысли — как солнце, луна и звезды — шли рядом и вместе с тем очень далеко».

Объясняя читателю, что Володины мысли обратились не к той избушке, в которой сейчас сидит дедушка Мартемьян и, наверное, пьет чай, а в прошлогоднюю избушку, зимой, когда Володя был на охоте, автор объясняет читателю: «Для мыслей ведь нет границ ни в пространстве, ни во времени: мысль может уйти вперед и осуществить то, что еще не родилось, и назад мысль может уйти — и оживить, что давно исчезло».

Время от времени в литературной жизни возникают дискуссии о том, что предпочтительнее для литературного героя: быть ли, главным образом, действующим или же размышляющим... Конечно, нам очевидна вся искусственность подобного вопроса, и прояснением этой очевидности обычно такая дискуссия и заканчивается.

Но когда речь идет о ребенке, то не может быть сомнения в том, что для него является главным — мысль. Осмысление им происходящего, впитывание нравственных норм, создание нравственных ориентиров. Конечно, этот процесс проявляется и в действиях ребенка, в его поступках, в том, что и для него главным остается метод «проб и ошибок». Но все же ребенок создает себя как личность, постоянно и настойчиво размышляя.

«Володины братья» — книга размышлений. Как и другая проза Юрия Коринца, как и произведения других выдающихся детских прозаиков, она опровергает снисходительное и невежественное мнение, что проза для детей — это нечто облегченное, условное, второсортное, некий второй эшелон литературы, куда иные критики-классификаторы запикивают детектив, научную фантастику, научно-художественную книгу и прочие явления литературы, требующие от исследователя специальных знаний.

В повести «Володины братья», как и в предыдущих книгах писателя, герой повести и ее автор соединены стилистически и композиционно. Очень трудно, да и не следует отделять авторскую речь от речи героя, размышления автора от размышлений Володи. Идет один непрерывный монолог автора и Володи. Мысли автора и его героя то сходятся, то расходятся, но они предстают перед читателем в нерасторжимом единстве.

Поскольку Володя уверен в разумности этого мира, в

разумности действий людей и всего живого, это придает его мыслям, его сновидениям и даже галлюцинациям непоколебимый оптимизм. Удивительно, но описание злоключений мальчика, драматизм происходящих с ним событий совершенно не снижают уверенного оптимизма повести, оптимизма, основанного на убеждении ребенка в том, какими должны быть нравственные отношения людей друг к другу и к природе.

„Это у него от природы...”



Птимистическая концепция «Володиных братьев» в большой степени питается великой и вечной красотой природы, философией ее целесообразности, неизбежной и глубоко оправданной сменой времен года, форм жизни. Во всех произведениях Юрия Коринца, начиная с «Там, вдали, за рекой», природа всегда предстает во всей красоте живого и неживого: скал, воды, зверей, птиц, растений, закатов, облаков... Это все увидено зорким глазом ребенка, который одновременно и художник и натуралист.

Только не следует, конечно, предполагать, что такая способность изначально присуща всем детям, что они и рождаются с чувством слияния с природой. Маленькому горожанину Мише, который оказался на рыбалке, кажется, что он попал в бесконечность, что он находится на краю света. Но даже тогда, когда он понимает, что долина этой подмосковной речки далеко не конец света, то и тогда он видит нечто совершенно непохожее, другое, совсем другое, нежели обычные для него картины города:

«Я увидел далеко-далеко всю Учу, извиляющуюся посреди зеленых берегов. Позади меня был луг, по которому бродило пять белых козочек, а за лугом была деревня, а за деревней был лес. На другом берегу реки тоже были луга и за лугами тоже лес. Леса стояли едва приодетыми, кое-где они были совсем серыми, а кое-где коричневатыми, а кое-где лиловатыми, а кое-где зеленоватыми и желтоватыми...»

В дилогии Юрия Коринца ее герой воспринимает природу именно по-городскому — на глаз и на ухо. Это совсем новый для него мир — с совершенно другими, нежели в городе, звуками, красками, воздухом... Здесь ежеминутно происходят открытия. И открытия эти — великие. Другие формы жизни, другие существа, другие закономерности. «Я лежал у входа в палатку на своем плаще на животе, положив локти на рюкзак, а подбородок на руки, и смотрел на желтый одуванчик. Одуванчик рос прямо передо мной, у входа в палатку. У него были зубчатые остро-зеленые листья, а сам он был ярко-желтый, ядовитого цвета, потому что он только что распустился. Это был первый весенний одуванчик. На его цветке ползала какая-то черненькая букашка. У букашки было блестящее, приплюснутое с боков тельце величиной с пшеничку и маленькая-маленькая головка, величиной с булавоочную головку».

Величие этих открытий вовсе не в их новизне. Вернее, не только в новизне. Ребенок, впервые попавший на природу, ощущает что-то для него новое, ему непонятное. В городе не может быть и речи, чтобы он почувствовал свое единение с мчащимся, тренькающим звонком трамваев, с проносящимися автомобилями. Здесь же, на берегу Учи, Миша познает что-то другое, соединяющее его с рекой, с лугом, с первым одуванчиком, совершенно несхожим с городским цветком на клумбе, с этой черненькой букашкой, ползающей по цветку... Во всем этом своеобразном, существующем независимо от людей мире есть непонятная ребенку успокаивающая привлекательность. Он еще не понимает природы этой привлекательности, не знает ее названия. Просто его мудрый, всезнающий дядя не успел ему объяснить, что такое «гармония»... А может, не объяснил потому, что сам не знал, как ее определить?

Вся вторая часть дилогии — «В белую ночь у костра» — проходит на фоне северной природы, еще почти нетронутой человеком, сохранившей свою естественность. Мы уже знаем, что эта природа не отпечаталась в памяти маленького Миши. Писатель эту природу увидел не в детстве, а став взрослым. Картины ее были им увидены в долгих странствиях по Приполярному Уралу и Европейскому Северу. В этих странствиях сказалась душевная потребность соприкоснуться с природой, остаться с ней наедине, обрести чувство гармонии и единства с природой. Того единства, которое сформулировано в знаменитых строках Баратынского на смерть Гете:

С природой одною он жизнью дышал:
Ручья разумел лепетанье,
И говор древесных листов понимал,
И чувствовал трав прозябанье;
Была ему звездная книга ясна,
И с ним говорила морская волна.

Повесть «Володины братья», собственно, и посвящена описанию единения человека с природой. Единению, которого так сильно не хватает современному жителю города. И — по убеждению писателя — больше всего городским детям. Недаром «Володины братья» посвящены детям писателя...

В маленьком предисловии к этой повести Юрий Коринец писал: «Во время моих многолетних странствий по Приполярному Уралу и Архангельской области, по побережью Белого моря я всегда дивился тамошним мальчикам и девочкам. Какие они все самостоятельные, смелые! И как они любят и понимают природу!»

Мне кажется, что, как писатель, Юрий Коринец бесконечно далек от конструирования «идеального героя», к чему призывают иногда некоторые критики. Его Володя действительно в чем-то личность идеальная. Но только в одном — правда, в главном — в единении с природой. Этот невысокий, шуплый одиннадцатилетний мальчик ощущает себя одновременно и хозяином природы и ее неотъемлемой частью. Он, конечно, не собирает бабочек и гербарий, не фотографирует зверушек, никогда не слышал об экологии и защите природы. У него нет и тени благоговейного аханья перед природой. Напротив, Володя — рыбак и охотник. Звери и рыбы для него — совершенно естественная добыча, он на них охотится, чтобы добывать себе пропитание, шкуру для одежды, как взрослые: как его брат Иван, как его дед Мартемьян. Он ловит рыбу с той же простотой естественности, с какой эта рыба сама ловит для своего пропитания другую, мелкую рыбешку. Володя счастлив своим единством с природой, сам еще не понимая этого.

Уже с самого раннего детства Володя усвоил, что в природе есть более слабое и более сильное, есть временное и есть постоянное. Он смотрит на то, как река подмыла березу, как река упорно играет с погибающим деревом. «Для березы эта игра была последней игрой, не то что для реки; береза дрожала уже много дней и ночей, но и ночи эти и дни были для нее сочтены: скоро вода совсем оголит ей корни, вымоет их из

берега, и береза поплывет по волнам, перекатываясь через пороги, а река все будет с ней играть и играть, пока не выбросит где-нибудь на берег».

Но понимая все роковое значение этой «игры» более сильного с более слабым, мальчик не испытывает никакого страха. Как все привычное, и это для него не только привычное, но и любимое. «Володя знал, что так же, как любил он весь этот мир вокруг, так же и все вокруг любило его и не хотело от себя отпускать». И рядом с тем, что Володе в окружающей природе все понятно, он в ней ощущает какие-то неведомые ему тайны. Есть тайны в постоянно меняющемся небе, в его изменчивых облаках; есть тайна в растениях, в том, что они живут в определенных только местах; есть тайна в грибах, столь непохожих на другие растения... Множество тайн окружает мальчика. Только он их не боится, они ему интересны, а не страшны. И при всей своей любви к природе Володя знает, что она способна с ним сыграть такую же «игру», какую река на его глазах сыграла с подмытой березой. Он чувствовал, что «камни, как только он к ним прикасался, стремились проникнуть в него холодом; река, едва он входил в нее, властно брала его в свои ледяные объятия, не желая расставаться, и многочисленные болота, по которым он не раз ходил за клюквой, всегда стремились нежно засосать его в свои неведомые глубины...»

Взаимная любовь человека и природы, в глазах Володи, совершенно не исключает и того, что им приходится иногда схватиться в смертельной схватке, как это скоро случится с ним самим. Важно это знать и быть к этому подготовленным.

В образе героя «Володиных братьев» нет и тени подобия того излюбленного героя детских книг, главным образом переводных, которые были столь популярны в двадцатых годах. С. Воррисгофер — «Приключения молодого путешественника», Ф. Бартлет — «Пленники леса», С. Бассет — «В лесах Канады», Ф. Марриет — «Маленький дикарь», Э. Сетон-Томпсон — «Приключения Рольфа»... В этих и в других книгах разрабатывалась тема, ставшая главной для литературы того времени: мальчишка, силой необыкновенных, часто роковых обстоятельств, остается один на один с природой и побеждает ее. Он себя чувствует при этом маленьким дикарем и соответственно себя ведет.

Володя был бы обижен, если бы кто-нибудь назвал его

«маленьким дикарем». Это совершенно современный мальчик, любящий технику, знающий ей цену и умеющий ею пользоваться. Он умеет водить моторку и знает, как с ней обращаться; он не представляет себе жизни без радио; он летает на вертолете... Техника для этого современного советского таежного мальчишки так же естественна и интересна, как и природа. И ему не приходит в голову, что можно противопоставлять одно другому.

Ему интересно наблюдать, как ведут себя звери, птицы, насекомые, соприкасаясь с техникой. Володя летит на вертолете и думает: «В жару и на вертолете хорошо, хотя в вертолете бывает и оводов, и комаров, и мух тьма-тьмуца! Но они в вертолете тоже не кусаются: все они жмутся к стеклу, собираются кипящими черно-желтыми гроздьями возле рам — дрожат от ужаса! А ведь залетают в вертолет на стоянке сами! Видно, уж очень хочется им на машине полетать!»

Само описание странствий Володи по тайге — глубоко поэтично. В них пока нет ничего необычного, экстраординарного, угрожающего. Горы, перевалы, лощины, речки, комариные тучи, прохлада ручья... Полное отсутствие страха неизвестности, ибо все вокруг известно и понятно. Понятен раздающийся неведомый звон колокольчиков — это дело ветра, свистящего мимо обкатанных камней; понятен лесной пожар... Он устает от трудной таежной тропы, от лесных завалов, крутых камней, но и это тоже понятно и нормально. «Но какой же мужчина не устает? Настоящий мужчина всегда устает, потому что он или много работает — дрова колет, лодку водит, дом строит или ходит сутками по тайге — летом и зимой, — за зверем гоняется. Настоящий мужчина всегда устает! Оттого он и не толстый. Это только лентяй не устает, потому что он все время лежит, жир накапливает. Да еще пьяницы не устают, потому что они только пьют да спят».

Как мы видим, у Володи понятие «настоящего мужчины» связано не с его способностью преодолевать природу в различных и чрезвычайных приключениях, а с социальной оценкой человека. «Настоящий мужчина» должен работать! Или учиться! Словом, он должен делать дело!

Но скоро кончаются радостно-спокойные часы путешествия, воспоминаний и размышлений. Наступает катастрофа. Наступает то страшное, к чему одиннадцатилетний мальчик готов психологически, но перед чем оказывается безоружным... Он

спасается от настигающего его лесного пожара, тонет, вылезает из тайги раздетый, лишенный одежды, продовольствия, спичек, потерявший верную тропу, — оставшийся один на один с природой, которая сразу же обернулась к нему страшной, еще неведомой ему стороной.

Но и в этом состоянии Володя остается не отчаявшимся дикарем, а человеком. И писатель это подчеркивает деталями, которые сначала кажутся натяжками, если не вникнуть как следует в характер Володи. Вот он нашел под валуном спасшегося от пожара обгоревшего раненого зайчика. И лечит этого бедного зверька, обмотав ему раненую лапку тряпичкой, оторванной от своей рубашки. А ведь мог бы и съесть... Вот он набрел на лесную избушку, в которой лежит тетрадь с привязанным карандашом, на обложке тетради написано: «Тетрадь проходящих туристов». И Володя, прочитав все предыдущие записи, аккуратно записывает: «Иду из Кочильдина в избушку к дедушке. Через два дня надеюсь на месте быть». И подписался: «Корифей туризма Владимир Иванов, 11 лет. 17 августа 1972 года». Володя перечитал запись, зачеркнул слово «корифей» и вписал сверху: «Трижды корифей»... А ведь мог бы, вместо того чтобы проявить этакую уверенность и насмешливость; в отчаянии воззвать о помощи...

Да, может показаться ненатуральной уверенностью ребенка в том, что — несмотря ни на что — природа в конце концов ему сама обязательно поможет. Но хочется привести свидетельство не ребенка, а уже старого, мудрого человека, всю свою долгую жизнь стремившегося быть наедине с природой. В дневниках и размышлениях Михаила Михайловича Пришвина, собранных в книгу «Глаза земли», содержится такая запись: «Надо оставить дома заботы, исполниться внутренним желанием радости, не торопясь идти размышляя, внимать. Тогда все отвечает твоему вниманию — какой-то голубой колокольчик кивает, какая-то моховая подушка под сосной приглашает присесть, белка, заигрывая, пустит сверху прямо на тебя еловую шишку.

Нужно смотреть на природу внимательно и мыслить по-человечески. И вот, когда в мыслях заблудишься, к тебе в поправку, в помощь, показываются чудесные существа и, улыбаясь, сверкая росой и красками, радуясь, возвращают тебя на верный путь.

Я этому верю, я это знаю наверное, что так бывает, и потому позволяю себе думать о всем, что только захочется, и даже

о недозволенном. Я мыслю, как мне только захочется, уверенный в том, что природа поправит меня и покажет, как надо мыслить всему человеку».

Непоколебимая вера в силу природы, которая высказана в словах М. М. Пришвина, в размышлениях и чувствах таежного мальчишки, приобретает, конечно, силу еще большую... Отсюда в «Володиных братьях» смешение реальности со сказочностью. Даже в том отрезке путешествия Володи, когда еще все благополучно, все прекрасно, в размышлениях мальчика сказывается уверенность в том, что существуют еще неведомые, необъясненные наукой связи между близкими людьми, между людьми и явлениями природы. И есть ощущение некой нарочитой странности во многих размышлениях мальчика. Но почему только мальчика? Это существует и в прямой авторской речи! Когда Прокоп, встретившись с заблудившимся Володей, злобно обрекает его на неминуемую смерть, в эти самые минуты в таежной своей избушке томится от непонятной тоски, от вдруг нахлынувшего страха за внука дед Мартемьян, он слышит его голос... Мы можем встретить в повести и другие эпизоды, к которым взрослый читатель, может быть, и отнесется иронично: например, к способности деда Мартемьяна, не прикасаясь, одним своим взглядом воздействовать на компасную стрелку... Да, мы это можем не принимать, но для юного читателя Юрия Коринца в этом нет никакой нарочитости и неестественности, ибо для него полностью приемлем тот элемент сказочности, который есть в повести.

Не представляет труда вырвать из текста повести не один, а много кусков для того, чтобы обвинить автора в смертном грехе антропоморфизма. Чем дальше и напряженнее становится развитие повести, тем больше и чаще Володя начинает принимать природу как нечто живое, наделенное разумом и чувствами, присущими только человеку.

Володя относится к природе, как к живому существу. Недаром, когда он входит в реку, чтобы попытаться поймать семгу, он обращается к реке: «Сейчас мне некогда с тобой играть... Сейчас у меня дело! Ты лучше помоги мне».

Мы могли бы объяснить отношение Володи к природе, как к живому, более того — разумному существу, тем, что автор вывел в повести ребенка, выросшего среди природы, с детства с ней неразрывно связанного. Но в творчестве Юрия Коринца есть произведение, доказывающее, что отношение таежного

мальчика к природе принципиально не отличается от чувств и мыслей самого писателя.

В 1971 году в издательстве «Детская литература» вышла написанная им для очень юных читателей, маленькая повесть «Самая Умная Лошадь». В ней, несомненно, много автобиографического материала — описание нелегкой жизни одинокого городского подростка, эвакуированного в тяжелые годы войны в далекий степной казахстанский колхоз.

Но не только этим автобиографическим эпизодом интересна для исследователя творчества Коринца его маленькая повесть. В ней еще раз — трогательно, с теплом и большой силой — выражена любовь и привязанность лирического героя повести ко всему живому в природе. Такая любовь, что животные в его представлении наделяются чувствами и мыслями, свойственными человеку.

А животные эти ничем не похожи на любимое живое существо городской квартиры — на кошку, на собаку, про которых любящие их хозяева говорят: «Ну, все понимает, только говорить не может!»

Для героя «Самой Умной Лошади» быки, коровы, овцы — не предмет развлечения и умиления. Он их пасет. Следовательно, отвечает за то, чтобы они были в сохранности, были сыты, не снижали количества молока... Он должен выбирать для них хорошие пастбища, должен сохранить рождающихся телят и ягнят, охранять их от волков... Словом, это работа, а не развлечение.

Но при всем при этом домашние животные, пренебрежительно именуемые общим понятием — скотина, для героя повести вовсе не предстают существами сторонними, чужими, отторженными от людей уже тем, что это не люди, а скотина. Для него они живые существа, с которыми он общается постоянно, находится в соприкосновении, отличает одну корову от другой, выделяет среди животных более и менее понятливых, более или менее симпатичных. О своей жизни в колхозе он пишет: «Общался я там с быками и коровами, изредка с овцами переругивался — уж очень они бестолковы! — Но чаще всего я разговаривал со своей Лошадью».

Да, в отличие от животного городской квартиры, черная молодая кобылка, выделенная новому пастуху, могла говорить... И ей было что сказать, потому что, невзирая на свою молодость, она обладала немалым жизненным опытом, пониманием живот-

ных и людей, она была добра... Недаром герой повести ее не называл присвоенной ей кличкой, а уважительно называл Самой Умной Лошадью — сокращенно СУЛ.

В книжке, написанной для детей «старшего дошкольного возраста» (а именно этот читатель значится на книге), автор мог бы и обойтись без объяснения этого необыкновенного явления — говорящей лошади. Маленький читатель привык к тому, что в детских книгах животные запросто разговаривают с людьми. Но повесть Юрия Коринца не носит характера сказки, это совершенно реалистическое произведение, и ее автор желает объяснить необыкновенную способность СУЛ. «Я сам объясняю эту ее способность тем, что она сильно болела и страдала и от того стала намного умнее других лошадей. Отчего же она заговорила именно со мной? Объясняю я это своим тогдашним угнетенным состоянием, развившим мои собственные способности, и отчего я научился ее понимать».

Вот, оказывается, в чем дело! По убеждению героя повести, трудности жизни, ее горести, ее беды обостряют чувства до такой степени, что человек и животное могут понимать друг друга. Нам, конечно, в этом случае не следует ставить знак равенства между героем «Самой Умной Лошади» и ее автором. Писатель Юрий Коринец знает о невозможности словесного общения с лошадью — хотя бы и самой умной... Но рассказывает читателям о своей трудной жизни подросток. И он не врет, он — сочиняет. И его благодарность и любовь к лошади, на которой он пас скот, так велики, что готов сам поверить в то, что разговаривал с лошадью. И не только поверить, но и — с полной искренностью — поведать об этом читателю.

Но что уже совершенно серьезно и реально — писатель в своей повести не только относится к животному, как к существу, равному себе, но и признает его способность стать учителем человека. Собственно, об этом он и написал «Самую Умную Лошадь». И сказал об этом со всей откровенностью: «Потому что учителями могут быть не только люди, но и животные». И обещал своим читателям: «Когда-нибудь вы сами в этом убедитесь. Если, конечно, захотите».

Равенство, которое писатель устанавливает между человеком и другими живыми существами, между человеком и всеми явлениями природы, основано на убеждении, что всякая любовь должна быть взаимна. Не покорение природы, а дружба с ней. Человек не стоит над природой, он порождение ее, часть ее,

и поэтому он родственник всему живому, что есть на земле.

Но эта философия писателя в его книгах, написанных для разного читателя, проявляется по-разному. В «Самой Умной Лошади» человек дружит с животным, которое издавна слывет умным и добрым другом человека. Лошадь является героем или же важным персонажем множества литературных произведений. Среди них есть выдающиеся и великие, не стоит здесь их перечислять.

В «Володиных братьях» отношение героя с природой намного сложнее. Он имеет дело не с домашним, а потому близким и своим, животным, не с лошадью, не с собакой, он имеет дело с природой в ее целостности, в сочетании живого и неживого. Так же как герой «Самой Умной Лошади» зависит от своей лошади, так и Володя зависит от тех сил и явлений природы, с которыми он встречается в своем путешествии. Поэтому он обращается к реке, как к чему-то живому, могущему его понять.

И кажется, что река действительно помогла мальчику. Он поймал рыбу, наелся, спасся от голода и может продолжать свое путешествие. Но когда наступает непогода, когда начинаются непрерывные холодные дожди, Володя снова встречается с рекой, которая сейчас стала совсем другой: мутной, ворчливой, совершенно не расположенной к игре. И снова может показаться, что в повести Юрия Коринца река превращается в живое, чувствующее существо...

«Илыч любил свою судьбу. Он любил все, что наступало, он, в сущности, никогда не грустил и не злился, он был всегда бесстрастен, подо льдом ли и снегом зимой, под солнцем ли в короткое лето, под дождем ли осенью или весной. Он только людям казался то злым, то веселым, то печальным, на самом деле ему всегда было все равно...»

Писатель выделяет главный и немного жутковатый смысл этой фразы: природе на самом деле все равно! Он говорит об этом в самом конце книги, после того как читатель вместе с героем повести прожил вместе с природой, в тесном единении с ней, долгое и трудное время; когда он, вместе с Володей, вступал с ней в сложные отношения: то дружил, то враждовал, но всегда в нее верил, всегда относился к ней, как изначальному счастью. Еще мы не дошли до финала, еще бредет из последних сил Володя под струями холодного дождя; еще нам неизвестно, добредет ли мальчик до цели или же погибнет, как часто и постоянно гибнет в лесу все живое, чтобы уступить

свое место другим. Но Юрий Коринец вмешивается в повествование, чтобы вдруг обратиться к своему читателю:

«Помните, говорил я в предисловии, что в природе всегда все хорошо? А как же, скажете вы, все хорошо, если Володя от холода и голода погибнет?.. Подождите, я вам сейчас все растолкую!»

Конечно, в природе всегда все хорошо! Но когда хорошо в ней все для человека — вот в чем вопрос! Человек же не зверь и не рыба — не может он, например, долго в ледяной воде плавать или по тайге бродить — погибнет он в тайге, если будет бродить, как зверь... Для человека в тайге тогда хорошо, когда он сыт, обут, одет, вооружен — вот когда! А голому человеку хорошо на пляже под горячим небом — и то ненадолго! Так что никакого противоречия нет в том, что я вам вначале о природе говорил и что сейчас рассказываю. Вам-то я это растолковываю, а Володе и растолковывать не надо, он и так все понимает. Потому что он в этой природе вырос. И любит ее, несмотря на то, что она такая».

Да, несмотря на то, что она такая... которой все равно! Будет время, когда Володя будет читать и, может быть, учить наизусть пушкинские строки:

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть
И равнодушная природа
Красою вечно сиять.

Природа равнодушна. Но не должен быть равнодушен к ней человек. Все, что в ней заложено и реально существует: сила и слабость, польза и вред, красота и безобразие — все эти качества проявлены через человека, в его взаимоотношении с природой.

В «Володиных братьях» заложена и высказана философская концепция автора: в природе выражена моральная идея вечной новизны, постоянной возобновляемости жизни. Эта идея придает повести непоколебимый оптимизм. Природа в повести Юрия Коринца существует не как красивый или безобразный, светлый или мрачный фон, на котором разворачивается действие повести. Природа, по сути дела, — самостоятельный герой этого произведения. Не менее важный, а может быть, и более важный, нежели другие герои повести. Герой этот настолько важен для

автора, что он служит неким эталоном для определения нравственных качеств людей.

Есть в «Володиных братьях» персонаж, во всем полярный тем добрым и хорошим людям, среди которых живет Володя. Это — Прокоп, отец Алевтины, с которой дружит и которую любит мальчик. Злой к людям, Прокоп зол и к природе. Он браконьер, хищник, не жалеющий ради мелкого приобретения ни людей, ни животных, ни растений — ничего живого.

Однако не следует в образе Прокопа видеть некую условную фигуру того недоброго, страшного, что существует в природе, которой все равно. Писатель производит Прокопа от четкого социального начала. Он злой собственник не потому, что родился таким, а потому что не может примириться с тем, что революция отняла у его отца и у него лес, реку, всю эту округу, которая раньше принадлежала им. Он мстит людям и природе за утраченную собственность, за то, что он перестал быть ее единоличным хозяином.

Для чего писатель ввел в свое произведение, посвященное взаимоотношению человека и природы, такой персонаж, как Прокоп? Потому, что и природа не остается безразличной к социальной сущности человека. Злобный, спившийся Прокоп, утративший все связи с людьми и с природой, олицетворяет все темное, тянущее людей назад. Брат Володи, Иван — летчик на вертолете, — говорит ему: «Когда я на вертолете летаю, да на своих пилотов смотрю, верю я, что коммунизм не за горами... Или когда я в небе рядом с солнцем лечу! А когда я к вам в деревню прилетаю, да с вертолета сойду и пьяного Прокопа на улице встречу — бессмысленного да босого, — коммунизм сразу от меня далеко уходит: вон за те горы!»

Социальность «Володиных братьев», конечно, совершенно лишает повесть некоего натурфилософского смысла. Сначала кажется, что в «Володиных братьях» существует истолкование природы, как нечто связанного и живого целого, как идею тождества человека и природы. Но чем дальше идет развитие сюжета повести, чем больше мы в нее вчитываемся, тем очевиднее становится, что для героев повести и ее автора в природе нет ничего богоподобного. Как бы ни были величественно-красивы горы, река, леса — во всем этом нет и тени «храмоподобного», что требует преклонения, поклонения и чуть ли не человеческих жертв. Напротив: здесь все ясно, бытово, каждая страница заполнена реалиями быта человека. И даже тогда, когда эта

природа оборачивается к мальчику своей страшной стороной, когда она обрушивается на него пожарами, ливнями, морозом — и тогда у ней все равно нет ничего от грозного, богоподобного... Ее можно преодолеть!

Да, именно в этом и состоит сюжет «Володиных братьев». Больше того, в этой природе человек и находит силы, чтобы преодолеть все препятствия, обрести «второе дыхание». В конце повести, когда Володя лишается последних сил, когда он в полубреду ползет туда, где должна стоять избушка деда Мартемьяна, ему кажется, что приходят к нему на помощь те самые муравьи, которых он видел во сне в начале своего путешествия. Они подводят его к муравьиной куче и заставляют разрыть муравейник, чтобы дышать муравьиным спиртом. Каждый из нас, кто в детстве бродил по лесу и бил рукой по муравейнику, чтобы вдохнуть острый запах муравьиного спирта, помнит ощущение свежести, которое дают эти невидимые маленькие фонтанчики, остро бьющие в кожу лица... Володя приник к муравейнику, как к олицетворению той природы, которая и дает силу, чтобы пойти дальше.

Он идет или ползет — он этого не понимает, — оборванный, жалкий, отекший, в состоянии полубреда, когда ему кажется, что рядом идут и крепко его поддерживают муравьи величиной с него самого.

«Я и двигаюсь, — думает Володя. — Дойти мне — раз плюнуть! Путь ему впереди немалый, но Володя идет быстро: как шагнет — так лесок позади, как в третий раз шагнет — так весь Урал позади... Так быстро шагает Володя, потому что он Великан. Высокий и ловкий, могучий!»

Вот в этом сознании своего могущества, своей силы, способной побороть все недоброе, что ему противостоит, и доходит добредает, доползает Володя до победного конца своих странствий. Он все же дошел до людей. До своих! До деда Мартемьяна, до брата Ивана, до знакомого участкового милиционера, до всех тех, кто во все страшные дни и ночи странствий мальчика летали, плыли, ходили в поисках его. Володя оказался сильнее. И это у него от природы...

Толос и маэ

Лирический герой книг Юрия Коринца обожает незнакомые слова. Даже не обязательно незнакомые. Просто иногда ему западает в голову слово или фраза, и, начав от нее, начинает у него разматываться целая цепочка историй, связанных между собой, часто самым странным и незакономерным образом. Эти слова — даже самые простые — автор делает значительными, он выделяет их в тексте курсивом, они у него служат некоей вехой, от которой начинается повествование.

Люди, много лет общавшиеся с детьми, давно уже знают, что у них очень часто какое-то случайно вспомнившееся слово начинает служить отправной точкой для целой цепи размышлений.

В конце 1978 года у нас вышел перевод интереснейшей книги знаменитого детского итальянского писателя Джанни Родари. Советские читатели, как и дети всего мира, знают его как прекрасного, веселого и умного сказочника. Мало кто знал, что Джанни Родари — как и у нас Корней Иванович Чуковский — много занимался и занимается анализом восприятия детьми слова: устного и письменного. Результаты своих многолетних размышлений он изложил в книге «Грамматика фантазии», с которой по своему интересу и значению можно поставить рядом только книгу Корнея Чуковского «От двух до пяти».

В «Грамматике фантазии» Джанни Родари пишет: «Слово, случайно запавшее в голову, распространяет волны вширь и

вглубь, вызывает бесконечный ряд цепных реакций, извлекая при своем «западании» звуки и образы, ассоциации и воспоминания, представления и мечты. Процесс этот тесно сопряжен с опытом и памятью, с воображением и сферой подсознательного и осложняется тем, что разум не остается пассивным, он все время вмешивается, контролирует, принимает или отвергает, создает или разрушает».

Своей книге Джанни Родари дал подзаголовок «Введение в искусство придумывания историй». Иронично, лукаво и очень точно. Искусство детского писателя, а в особенности сказочника, можно определить и как «искусство придумывания историй». И мы знаем, что эти истории вовсе не придуманы, они реальны, как реальна жизнь. И не имеет значения, что эта реальность в сказках, в повестях, в стихах принимает формы иногда фантастические, что они бывают наполнены таким содержанием, которое вызывает у взрослого-ригориста негодующий крик: «Такое не бывает!»

Дело ведь не в том, «бывает» или «не бывает»! Чтобы рассказать о нечто очень содержательном, совершенно необязательно излагать это в форме столь же важной и многозначительной, какой является самая суть содержания. Джанни Родари говорит об этом со свойственной ему афористичностью: «В действительность можно войти с главного входа, а можно влезть в нее — и это куда забавнее — через форточку».

Перечитывая «От двух до пяти» Корнея Ивановича Чуковского, иногда с ужасом поражаешься этической и эстетической глухоте тех педагогов и даже писателей, которые все свои силы клали на то, чтобы в книгах для детей не было того, что они просто-напросто называли «абсурдом». Корней Иванович годы жизни и труда положил на то, чтобы утвердить право детей на чтение «перевертышей» и «нелепиц». Джанни Родари утверждает: «У детей, в их же интересах, тягу к абсурду ограничивать не следовало бы. Не думаю, что она может нанести ущерб формированию их научного мышления. Тем более, что и в математике бывают доказательства «от противного».

Во всех без исключения книгах Юрия Коринца происходит странное, на первый взгляд, смешение точных реалий и вымысла. В романе «Привет от Вернера» идет какая-то непрерывная игра словами. Маленький Юра убеждает, что нельзя теперь рыжих мальчишек дразнить обычной присказкой: «Рыжий-красный — человек опасный». Потому что «красный — человек

опасный» — истина! Но для кого? Конечно, для белых, для буржуев, для фашистов... Потому что красный — это революционер! Вот как вдруг и неожиданно сместились у мальчика привычные понятия, неожиданный смысл приобрели самые привычные слова.

Или же Юра, сам того не понимая, играет словами. Вот он спорит с маленьким Ляпкиным: «Я его сразу огорошил... Думаете, я насыпал на него горох? Вовсе нет! Зачем мне сыпать на него горох, когда я его и так огорошил, без всякого гороха».

Но так бывает не только с маленьким Юрой, который еще нигде не учится и слышит невероятным выдумщиком. Даже у идеала Юры — его совершенно взрослого друга Вовы Зусмана, который учится уже в пятом классе, и у него и его товарищей по классу есть очень важная и интересная игра. Нет, это даже не игра, это нечто очень важное — соревнование. Соревнование на самостоятельность «Начнем со слова САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ... Сколько в нем букв, скажите мне, пожалуйста? Семнадцать? Правильно! Так вот, на каждую букву у них в классе было установлено специальное правило поведения. Например, на букву «С» — не опаздывать на уроки. На букву «А» — сидеть прямо за партой. На букву «М» — подметать дома пол. На букву «О» — мыть перед обедом руки, и так далее. Кто аккуратно выполнял все эти правила в течение недели, тот и считался самостоятельным, потому что он, выполнив все правила, набирал все буквы этого слова. Если, например, кто-нибудь не подметет пол, он теряет букву «М»! Он тогда «саостоятельный», потому что буквы «М» у него не хватает... Вовка сказал, что есть у них одна девочка, которую зовут «...стоятельная», потому что она первые четыре правила не выполнила».

Но даже «переиначивая реальность», герой Юрия Коринца всегда остается в строгих границах своего личного опыта. Он может вести душевные разговоры с Памятником Воровскому и поверять ему самые свои большие секреты. Но при этом он никогда не забудет сообщить, как выглядит иней на Памятнике, и какие сугробы намело в дворике около Памятника, и какие игры завели ребята из дома на Кузнецком мосту.

Каким бы жанром ни обозначил писатель каждую свою книгу — повесть, роман или рассказ, — о ней очень трудно сказать, что она «повествует». Элемент повествовательности исчезает под напором личности рассказчика. Этот рассказчик —

маленький ли это герой книги или же его взрослый автор — всегда видит перед собой слушателя — читателя. Он с ним разговаривает, убеждает его, даже сердится на него за непонятливость...

Что должен делать писатель, если он хочет написать интересную книгу? Ответ на этот вопрос может быть лишь однозначным: писать про то, что интересно читателю. Но для этого надобно совершенно отчетливо знать, для кого ты пишешь. Знать этого читателя во всем, что составляет его силу и слабость; знать, что ему интересно и что скучно. Успех Юрия Коринца, как детского писателя, основан, пожалуй, больше всего на его превосходном знании того, что будет интересно его читателю.

Это могут быть и такие серьезные и важные для ребенка размышления о том, как трудно жить с секретом; но это могут быть и рассказы о вещах, казалось бы, малозначительных, но необыкновенно интересных по своей новизне. Например, про то, что можно делать с мыльными пузырями зимой. Кажется, что у всех у нас имеется достаточный опыт получения удовольствия от запускания мыльных пузырей. Но герой романа Юрия Коринца сообщает нам потрясающую новость:

«Сейчас я вам скажу великую вещь: можно пускать мыльные пузыри зимой на морозе. Почему это великая вещь? Потому что они тогда сразу замерзают и их можно брать в руки, только осторожно, нежно, и держать в руках замерзший мыльный пузырь! Здорово, правда?» С этим невозможно не согласиться! Действительно, здорово! Сейчас как раз редкая для Москвы зима, с морозами в 30 градусов, и я едва удерживаюсь от желания сбегать на улицу и начать выдувать красиво переливающиеся на морозном солнце твердые, невесомые мыльные пузыри... Меня останавливает, конечно, не только мороз, но и боязнь того, как будут смотреть прохожие на человека, пускающего мыльные пузыри в такой дикий холод! Но уверен, что гражданин, который моложе меня лет этак на шестьдесят, такая боязнь не остановит. Ибо он узнал действительно великую вещь!

Но не только разные интересные, попутно рассказываемые истории, делают книги Юрия Коринца «своими» для их читателей. В не меньшей степени это вызвано языком, которым эти книги написаны.

Первое ощущение от языка книг Юрия Коринца — их есте-

ственность. Это речь живого ребенка. Она, эта речь, иногда может смахивать на что-то книжное, вычитанное или услышанное от взрослого «объясняющего» человека: «Красным наш народ всегда называл все самое лучшее — так повелось с древнейших времен. Недаром солнышко в сказке всегда называлось не желтым или оранжевым, а именно красным». Читаешь такое, и видишь перед собой восьмилетнего Юру, который важно излагает страницу из календаря или популярной книги, прочитанной ему мамой и мгновенно схваченной цепкой детской памятью. Не следует поэтому удивляться, что герои книг Коринда вдруг начинают говорить какими-то цитатами из книг и газет... Ну что же делать с этой удивительной детской памятью, в которой отпечатывается все услышанное, увиденное, прочитанное. И мы уже перестали удивляться и возмущаться, услышав в троллейбусе, как малыш говорит маме: «Пойдем в палочные изделия — купи мне тросточку!» Увы! На вывесках Москвы (а вывески часто бывают первым букварем ребенка) так и написано огромными буквами: «Палочные изделия»... И бог его знает, чего только не написано на этих вывесках! И не скоро мы вытравим из нашего быта, из языка взрослых, а следовательно, и детей, этот странный нерусский язык, который Корней Иванович Чуковский прозвал «канцеляритом».

Герои «Там, вдали, за рекой» и «Привет от Вернера» разговаривают языком, настолько естественным для ребенка, что совершенно не думаешь о том, насколько он соответствует литературным нормам:

«Моя голова начинает сильно, быстро, лихорадочно думать. Я встаю на ноги. Потому что в мою голову приходит одна мысль».

«У него была какая-то своя, памятниковская жизнь, я это видел ясно».

«Когда она пришла, у нас были очень хитрые лица, но она ничего не заметила».

«Мелкий собственник он, а не сын...»

«Когда папа вернулся из ванны, его голова была как новая».

«Гизи улыбалась своей особенной немецкой улыбкой».

И совершенно естественны в этом языке сентенции, излагаемые со всей убежденностью ребенка:

«Что может быть лучше в жизни, особенно если ты болен! Ничего! Это я вам точно говорю!»

«Вовка говорит: от сильной любви всегда хотят умереть».

И, наблюдая из подвала, где живет дворник, ноги прохожих, идущих по тротуару, маленький Юра с удивлением говорит: «Это какой-то ногатый мир!»

И конечно, этот детский язык наполнен тем подслушанным уличным жаргоном, который так часто приводит в отчаяние родителей и педагогов: «каюк!», «амба!», «фига с два!»

Нет необходимости убеждать в том, насколько этот детский язык, при всех его смысловых погрешностях и уличной грубости; выразительно и удивительно точен. И тогда, когда герой книги пользуется метафорами, еще и не зная, что они так называются...

Юрий Коринец знает границы детской восприимчивости, детского зрения, он знает словарный запас своих героев. И если он хочет передать читателю какие-то особо выдающиеся, особо запомнившиеся картину, событие, то он функцию рассказчика незаметно забирает у лирического героя книги и говорит уже от себя. И тогда язык повествования становится особенно ярким, цветным, выразительным.

Особенно это проявлено в «Володиных братьях», где рассказ ведет сам автор. Вот Володя летит на вертолете и смотрит вниз: «Вертолет не отражается — только тень его бесшумно и таинственно перечеркивала эти озера, реки, леса и болота. Тень скользила вниз, привязанная невидимым тросом к вертолету, и одновременно прилипшая к земле. Она все время уменьшалась и увеличивалась в размерах, все время меняла на земных неровностях свои очертания, словно хотела оторваться и полететь вслед за своим хозяином и не могла; поэтому тень так волновалась, в спешке преодолевая запутанные чащи, лохматые овраги, острые горы и гладкую воду, и ни на секунду не могла успокоиться, — когда вертолет приземлялся, вставая на три точки, тень наконец засыпала, сиротливо прижавшись к хвосту и остановившимся колесам. А сейчас она бежала внизу, как загнанная гончая».

Маленький Миша — герой первой прозаической книги Юрия Коринца — признавался, что любит рисовать. Во второй «Привет от Вернера» — маленький Юра прямо об этом не говорит. Но стоит прочесть его описание московской улицы, лестничной клетки, комнаты, чтобы увидеть перед собой те яркие, необыкновенно естественные и живые картинки, которыми мы любуемся на выставках детского рисунка. Красоту формы и

цвета мальчик видит во всем, во всех, казалось, малозначительных картинах окружающего мира. Вот он рассказывает:

«Представьте-ка себе черную лестницу вечером, синие окна и всюду на ступеньках, перилах и подоконниках сидят разноцветные кошки. Конечно, серовато-разноцветные, потому что вечер. Или ночь. И потому что они грязные. Зато как горят во тьме их желтые и зеленые глаза! Тут и там, тут и там, словно зловещие светляки! Неужто некрасиво? По-моему, красиво!»

Мальчик не просто чувствует, что то, что он видит, — красиво, он еще пытается объяснить, в чем он видит красоту. А красоту он видит во всем, что его окружает: клумбе, комнате, ванне. Из случайной сцены в романе «Привет от Вернера» мы узнаем, что Юре дарят краски, которыми он любит рисовать. Но мы и так все время сталкиваемся в романе с картинками, нарисованными акварелью.

«Куст на фоне синего окна стоял очень красивый. Цветы из красного стали фиолетовыми. А листья блестели темным изумрудом». Или: «Вода в ванне была прозрачной до дна, светло-зеленой, как в каком-нибудь горном озере. Тело в этой воде становилось розовым, руки и ноги, если на них сверху смотреть, увеличивались, как будто они были не в воде, а в зеленом увеличительном стекле».

Впрочем, нетрудно догадаться, что ребенок видит все так, как будто он рисует именно акварелью: не карандашом, не фломастером, а акварельной мягкой кисточкой. «Впереди все слилось в один зеленовато-голубой фон, туманный и нежный, как акварельный рисунок, где все очертания смазаны кистью».

Природное воображение всегда делает ребенка художником, когда он, рассматривая облака в небе или грязные разводы на потолке, видит в них людей, зверей или целые живописные сцены. Герой книг Юрия Коринца так же сполна наделен этой способностью. «Если сесть на корточки и смотреть близко-близко, снежинки кажутся узором на персидском ковре». Но если еще всмотреться, то снежинки уже приобретают видимость не коврового узора, а живых, активно действующих людей: «Снежинки штурмуют землю. Как маленькие парашютисты».

И воображение художника превращает самые обычные комнатные предметы в нечто совершенно другое — оживленное, необыкновенное. «Камин зевал своей черной пастью, и прутья решетки внизу были как зубы. Мрачно развалился ста-

рый диван, как великан на корточках, с круглым зеркалом вместо головы».

В «Володиных братьях» мальчик Володя и рассказывающий о нем автор в равной степени обладают острой способностью к цветному зрению. Все окружающее они видят прежде всего в цвете:

Небо — перламутровое.

Облака — сине-серые.

Уголь и зола — черно-белесые, седые, белые, синеватые, серебряные...

Песок пляжа — темно-лиловый.

Вода — голубая, рябая, желтоватая, золотисто-голубая, бледной меди...

Нам следует сразу же отказаться от подозрения, что цветом и рисунком увиденного писатель желает подчеркнуть особую одаренность лирического героя своих книг. Сейчас во многих городах нашей страны не только проводятся регулярные выставки детского рисунка, но и существуют интереснейшие, весьма посещаемые постоянные музеи детского рисунка. Наши издательства неоднократно выпускали книги-альбомы детских рисунков. Вглядитесь в них! И вы увидите мир именно таким — ярким, цветным, графически-четким, каким видят его герои книг Юрия Коринца. Ибо они не маленькие гении, не будущие великие или малые художники, не будущие поэты и прозаики — они нормативные дети, которых мы не решаемся назвать «обыкновенными», ибо не бывает обыкновенных усредненных, среднестатистических детей.

Бесконечно разные дети! И даже при общем, понятном нам родстве Миши, Юры и Володи — они тоже совершенно разные. Объединенные разве только тем, как живо и радостно — в звуке и цвете — воспринимают они мир. Таким, например, каким видит его Володя: «Весь мир вокруг серебряно-синий, чуть подкрашенный розоватым, ленивым, кратковременным солнцем...»

О чем эта песня?

Трудно, да, наверное, и нет надобности пытаться заглянуть в будущее творчество писателя, который еще ни физически, ни творчески не достиг своего зенита. Мы можем только с большой степенью вероятности сказать, что диалог Юрия Коринца со своим читателем основан на его огромной, ничем не поколебимой вере в то, что он — этот читатель — его поймет и его примет. Он обращается к детям, как к своим близким друзьям, которые поймут его человеческую и писательскую задачу.

Юрий Коринец стал писателем для того, чтобы, насколько это возможно в его писательских силах, передать воспринятое им в жизни тем, кто сейчас находится в возрасте Миши из «Там, вдали, за рекой», Юры из «Привет от Вернера», Володи из «Володиных братьев». Он желает вдохнуть в них бесконечную веру в справедливость, в силу и радость жизни, в победу добра над злом. Писатель хочет этим выполнить свой нравственный долг перед отцом и матерью, перед Суслиным и Сайрио, Вайнбергом и Бауэром, Прокофием и Ломидзе — перед всеми, кому он обязан непоколебимой верой в справедливость и нравственность великих идей, освещающих победный путь нашего народа.

Ни одному писателю — если он настоящий писатель — не свойственно в своих произведениях прямо и безыскусно декламировать, зачем он пишет свои книги. И в то же время в каждой из книг содержится эта исповедальная сущность. Есть она и во всех книгах Юрия Коринца.

В романе «Привет от Вернера» есть глубоко драматическая сцена: маленький Юра, его отец и мать только что вернулись с похорон. Они хоронили убитого фашистами на первомайской демонстрации отца маленькой Гизи, милого и доброго друга Юры — немецкого коммуниста Вернера. Маленькая семья советских людей, живущих в Берлине, пришла домой, и в сумерках каждый из них думает о том страшном и непоправимом, что произошло с Вернером, о том, как они встретятся в Москве с его дочкой. И вдруг отец Юры сказал:

— Подождите, я спою песню...

Отец запел, почти не растягивая слов, совсем тихо:

О чем эта песня
В степи у огня?
Как сына отец
Поднимал на коня!

Обычная песня.
С обычным концом:
О доле казачьей,
О сыне с отцом.

Как вместе полями
Скакали они,
Смеялись и пели
В счастливые дни...

О чем эта песня
За тихим столом?
О том же коне
С опустевшим седлом.

Поникшие с гривы
Висят поводя.
Отец не вернется
Домой никогда.

Бесстрашно с врагами
Рубился казак!
Что смерть его встретит —
Не думал никак...

О чем эта песня
В полынных кустах?
То клятва звучит
На сыновних устах.

Сын в юные руки
Берет поводя —

Он в битву помчался!
Так было всегда!

Так было когда-то,
И будет опять:
Что сын за отца
Должен песню кончать.

* * *

Наверное, этой песней, главной из многих песен в книгах Юрия Коринца, и следует закончить очерк о его творчестве.

О Г Л А В Л Е Н И Е

ЭТВАС!	3
«ЭТО СУДЬБЫ ЧЕЛОВЕЧЬИ ПОДАЮТ МНЕ ГОЛОСА...»	9
КУДА УХОДИТ ДЕТСТВО	22
КЛАДБИЩЕ БЛЕСЕН	34
ГОДЫ ИСПЫТАНИЙ, ПОИСКОВ	46
ПРОИСИ И ЖИЗНЬ	60
НЕУГОМОННЫЙ ДИОГЕН	74
«ЭТО У НЕГО ОТ ПРИРОДЫ...»	86
ГОЛОС И ГЛАЗ	99
О ЧЕМ ЭТА ПЕСНЯ?	107

Лев Эммануилович Разгон

ЮРИЙ КОРИНЕЦ

ИБ № 3864

Ответственный редактор
Л. И. Гаарилова

Художественный редактор
И. Г. Найденова

Технический редактор
Е. В. Пальмова

Корректоры

А. Н. Гриберман и Т. Н. Чернова

Сдано в набор 21.01.80. Подписано к печати 19.05.80. А09653. Формат 60×84¹/₁₆. Бум. типогр. № 1. Шрифт обыкновенный. Печать высокая. Усл. печ. л. 6,63. Уч.-изд. л. 5,66. Тираж 50 000 экз. Заказ № 887. Цена 55 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглаволиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Суцевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

Разгон Л. Э.

Р17 Юрий Коринец: Очерк творчества/Оформл.
Ю. Жигалова.— М.: Дет. лит., 1980.— 110 с.

В пер.: 55 к.

Очерк творчества известного советского детского писателя Юрия Коринца.

Р $\frac{70803-342}{M101(03)80}$ Без объявл.

8Р2 ББК 83.3Р7

55 коп.

1/13